КРОКОДИЛ

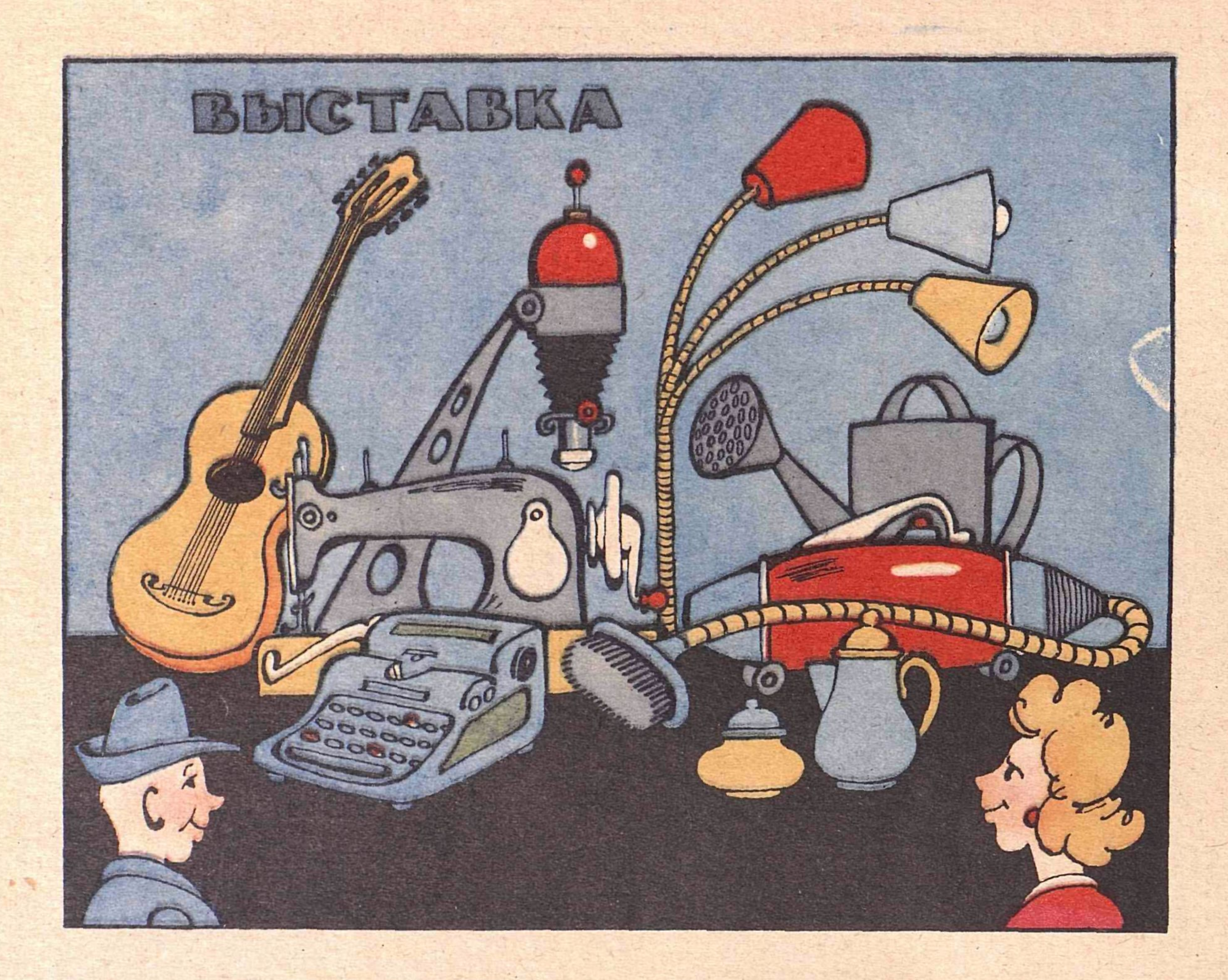

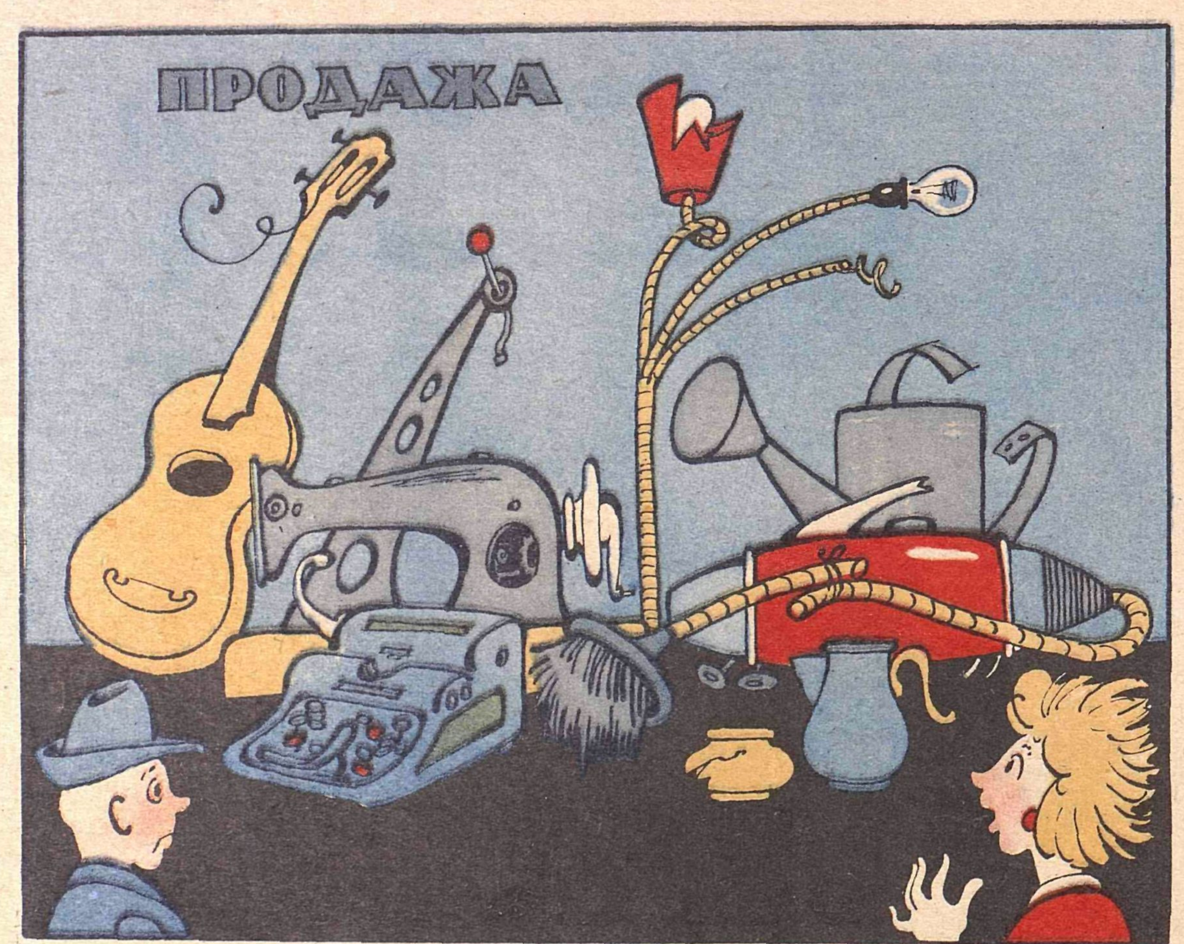

— Будешь играть за нашу команду — и попадешь в эти ворота!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ЛИ ВЫ ЧЕЛОВЕК?

Сколько несоответствий на этих картинках?

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ВИЛЫ В БОК!

ДИРЕКТИВНЫЙ РЫЖИК

Окончив неполную среднюю школу, Коля Змеев решил податься в кооперативный техникум.

В техникуме Колю встретили радушно.

— Добро пожаловать! — услышал он.— Окончили на тройки, как водится? Это не важно, об этом потом. А сейчас вы должны сдать пятьдесят килограммов грибов.

— Каких грибов? — испугался Коля.— Маринованных или сушеных?

— Зачем маринованных! Обыкновенных. Белых. Сыроежек. Рыжиков. Волнушек. Груздей. Вот поганок и мухоморов — тех не требуется. За мухоморы и справку не выдадут.

— Справку? Какую еще справку?

— А вот именно такую, что грибки ты собрал и на заготпункт сдал. Ясно?

— Ясно,— сказал Коля.— Видно, придется поползать в лесу за этими вступительными грибами. Согласен, никуда не денешься.

— Но это только начало,— молвил директор техникума.— А потом тебе, как и всем прочим, придется каждый год собирать и сдавать грибы. Сдавать экзамены и сдавать грибы. Притащил два мешка грибов — топай на следующий курс.

— А когда занятия начнутся? — уныло спросил Коля.

— Как только наберем грибов, так и начнем, без промедления. Вообще-то занятия должны начаться 1 сентября. Но, согласно директиве Роспотребсоюза, мы можем собирать грибы до 15 сентября. Соответственно передвигается начало учебы.

И Коля пошел выполнять директиву Роспотребсоюза...

...Мы выражаем восхищение сообразительностью этой организации. Движимые благородной целью — выполнить план по сбору грибов и прочих даров природы, ее руководители использовали такой могучий рычаг, как тяга молодежи к знаниям. Был выдвинут лозунг: хочешь учиться — хоти и грибы собирать.

А если учесть, что в системе учебных заведений Роспотребсоюза обучается около ста тысяч человек, грибов можно собрать великое множество.

И вот была спущена разверстка на каждый техникум. Собирайте, не ленитесь.

Этот порядок был заведен еще в 1960 году. Но, поскольку сбор грибов знаний не прибавлял, в 1964 году вышел запрет отвлекать в учебное время учащихся вузов и специальных средних школ на работы, не связанные с учебным процессом.

Однако Роспотребсоюз не лыком шит. Он ловко нашел выход из положения.

— А мы сбор грибов увяжем с учебным процессом. Он у нас будет как производственная практика. И придраться будет не к чему. Ведь нельзя же без практики!

Мы, конечно, понимаем, что грибы — штука вкусная, а купить их в магазине подчас труднее, чем ананасы. И, конечно, сами они из леса к нам не придут и на сковородку не прыгнут. Однако собирать их нужно, видимо, другими методами, не приносящими ущерба учебной программе техникумов и училищ.

...Но как бы то там ни было, а наутро в лес за грибами отправилась вся семья Змеевых.

А что делать? Надо же парнишке учиться...

Е. ЦУГУЛИЕВА

Конкурс бережливых

Если бы проводился конкурс бережливых имени Плюшкина, то подведение итогов выглядело бы примерно так.

Полутемный зал с люстрой, горящей вполнакала. Члены жюри сидят по двое на одном стуле. Председатель в изъеденном молью лапсердаке скрипучим тенорком оглашает результаты:

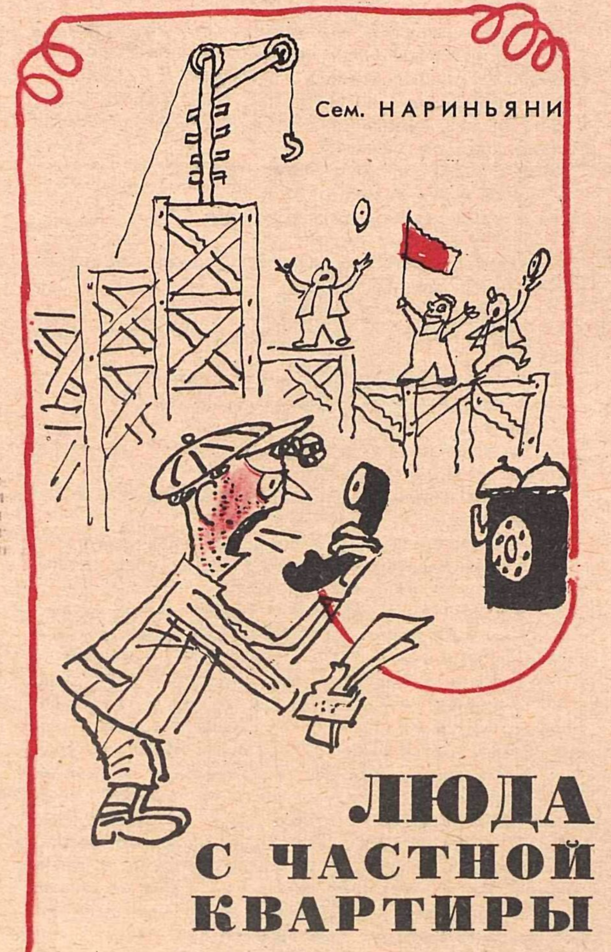
— Первую премию жюри решило из экономии не присуждать. Вторую — также. А третью премию мы вынуждены отдать директору и главному бухгалтеру Узбекского отделения издательства «Статистика» В. И. Кушнареву и А. И. Никитиной. Они заслужили ее своим бережливым отношением к учрежденческой копейке. Они переслали Ташкентскому заводу газовой аппаратуры счет на сумму 00 рублей 05 копеек в конверте той же стоимости. Поистине пример для подражания! Премия в размере десяти копеек будет выслана в ближайшие дни в конверте без марки — доплатным письмом.

Экономные гости не аплодируют лауреатам: берегут ладоши.

Е. БЕЛЬЧЕНКО, В. ЗАНАН

Сем. НАРИНЬЯНИ

ЛЮДА С ЧАСТНОЙ КВАРТИРЫ

Молодым людям, которым сейчас двадцать — двадцать пять лет, известно из рассказов отцов, из прочитанных книг о том, как дружно строился в далекие годы первой пятилетки Магнитогорский завод. Но ни отцы, ни книги, конечно, не говорили двадцатилетним, как иногда досаждали дружной работе магнитогорцев непорядки, имевшие место в органах Наркомпочтеля (Народного комиссариата почт и телеграфа). Особенно сильно доставалось нам, спецкорам центральных газет. Пошлешь в редакцию корреспонденцию спешной почтой — она ползет семь-восемь дней до Москвы. Новости стареют и превращаются в труху.

А с междугородной телефонной связью было и того хуже. День телефон работает, два молчит. Да и работает тоже еле-еле, по голодной норме. Только-только ты расположишься в переговорной будке, скажешь стенографистке «Добрый день», а станция уже перебивает тебя:

— Закругляйтесь, корреспондент. Ваши три минуты кончаются.

А что можно было передать за три минуты? Заметку-коротышку. Мы жаловались. Критиковали междугородную связь и на собраниях и на страницах газет. Наконец, Наркомпочтель сжалился над журналистами и предоставил каждому из нас для связи с Москвой вместо трех минут пятнадцать.

Новый регламент был приурочен ко дню пуска ЦЭС (Центральной электрической станции). Ухожу в переговорную будку, называю номер стенографического бюро редакции. Телефонистка просит повторить две последние цифры. Повторяю дважды: «67», «67»...

Издали слышится слабый женский голос:

— Алльё!

Я говорю «Здравствуйте!» и, не теряя времени, рысью начинаю диктовать корреспонденцию:

«Сегодня большой день на Магнитке! Пускается первый действующий цех самого большого в Европе металлургического комбината. Только что комсомольский котел дал пар комсомольской турбине...»

И вдруг слышу в ответ:

— Подождите минуточку. Не диктуйте. У меня нет карандаша и бумаги.

Я выругался от злости. Черт знает что! У меня на счету каждая секунда, а стенографистка не готова к приему корреспонденции.

— Алльё! Диктуйте. Я уже нашла карандаш.

И потом это дурацкое «алльё». Ни одна наша стенографистка не говорила «алло» через мягкий знак и букву «ё». А может, это новенькая? С курсов?

Начинаю диктовать корреспонденцию сначала: «Сегодня большой день на Магнитке... Только что комсомольский котел ЦЭС дал пар комсомольской турбине». И я рассказываю историю монтажа комсомольского котла. Как комсомольская бригада Банных в два раза сократила сроки монтажа котла, установленные немецкой фирмой. Я диктую, а стенографистка все время останавливает меня.

— Говорите медленней, не успеваю записывать.

Я не выдержал и говорю:

— Пусть вместо вас принимает корреспонденцию ваша соседка.

И слышу в ответ:

— Соседок нет. Я одна.

Делать нечего. Кончаю рассказывать о монтаже котла и начинаю говорить, как монтировала комсомольскую турбину бригада Мордуховича.

— Кого? Кого?

— Мордуховича, — повторяю и начинаю диктовать фамилию по буквам: Мария, Олег, Руфина...

— Какая Руфина?

— Теперь, надеюсь, не будут меня ругать, что лошадей не использую!

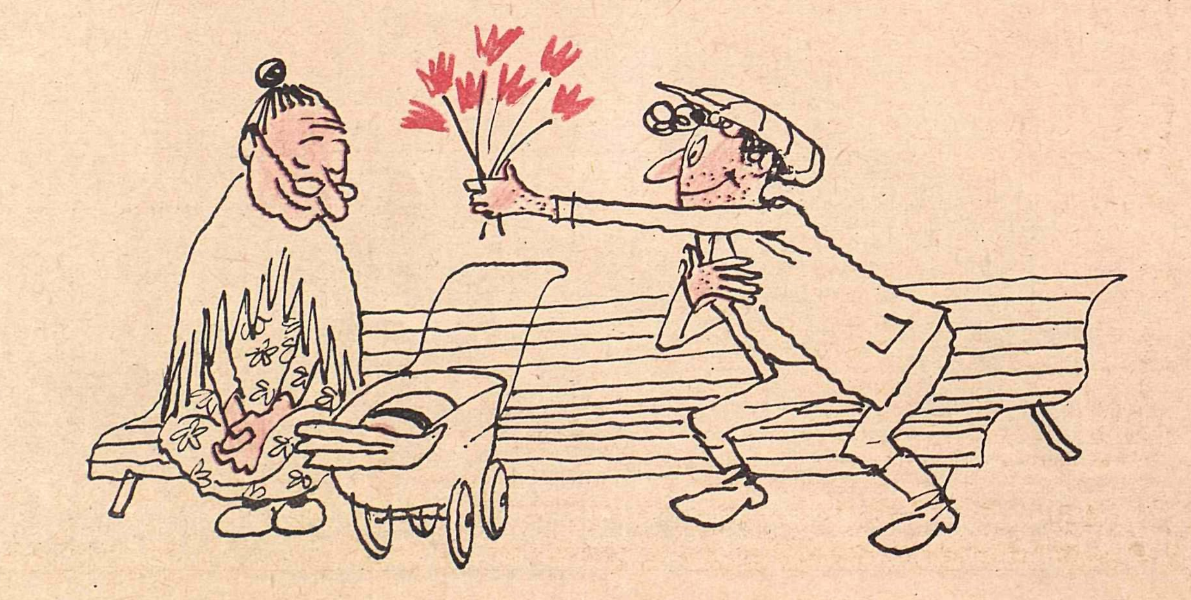
Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ЛЮДА С ЧАСТНОЙ КВАРТИРЫ

со стр. 3.

— Обыкновенная.
— Руфина Мордухович?
— Да нет. Просто Мордухович. Он мужчина, а не женщина.
— Повторите фамилию.
Повторяю по складам:
— Мор-ду-хо-вич.
С бригадиром монтажников все. Начинаю рассказывать про инженера Елену Джапаридзе, руководившую монтажом.
А Москва снова не разобрала фамилии:
— Кто? Кто?
— Джапаридзе,— говорю я и поясняю: — Это дочь одного из расстрелянных бакинских комиссаров, Алеши Джапаридзе. Начинаю диктовать по буквам: Давид, Жорж, Александр...
В это время в разговор вмешивается московская телефонистка и говорит:
— Корреспондент, закругляйтесь. У вас осталась всего одна минута.
Закругляюсь. Диктую последнюю фразу:
«И вот, наконец, на контрольной лампочке появляется накал, лампочка разгорается сильней и сильней...»
И снова слышу вопрос из Москвы:
— Что разгорается?
— Лампочка.
А мне в ответ:
— А у нас электричество не гасло. Оно горит все время.
— Где горит?
— Везде. В комнате, на кухне, в уборной.
— Простите, это кто, стенографистка?
— Нет.
— А кто же?
— Люда.
— Какая Люда?
— С частной квартиры.
— Зачем же вы записывали корреспонденцию?
— Так вы же сами просили. Даже подгоняли. Скорей, скорей...
В это время снова слышу голос московской телефонистки:
— Корреспондент, кончайте говорить. Ваши пятнадцать минут кончились.
— Как кончились? Вы дали мне не тот номер.
— Подождите, сейчас проверю...
— Вот дьявольщина!
— Вы чего ругаетесь? — спрашивает Люда с частной квартиры.
— Мне дали не тот телефон.
— А вы куда звонили?
— В «Комсомольскую правду».
И в это время нас разъединяют, и московская телефонистка начинает приносить свои извинения. Она-де не расслышала, спутала две последние цифры телефона. Вместо «67» набрала «57».
Я вызываю старшую, прошу соединить меня с редакцией. Старшая не говорит «нет». Она говорит:
— Соединю, если останется время.
А времени, конечно, не осталось. Сначала говорили корреспонденты. Потом телефон занял начальник строительства, за ним — председатель приемочной комиссии...
Всю ночь не спал. Еще бы, такой прокол! Диктовать пятнадцать минут корреспонденцию неизвестно кому!
Я ругаю себя, а делу от этого нисколько не легче. «Комсомольская правда» осталась по моей вине без важной информации.
Ругаю себя не только ночь, но и два следующих дня, ибо эти два дня не было телефонной связи с Москвой и я не имел возможности позвонить в редакцию. На третий день московский самолет доставил на Магнитку «Комсомольскую правду». И представьте себе: на первой странице крупным шрифтом была напечатана корреспонденция о пуске ЦЭС под рубрикой «От нашего специального корреспондента — по телефону из Магнитогорска».
— Ура! — закричал я по адресу Люды «с частной квартиры». Я ругал девушку, называл бестолочью, а она, оказывается, настоящий товарищ. Не поленилась, разыскала редакцию, вручила заведующему промышленным отделом принятую по ошибке корреспонденцию от «нашего специального».
Ай да Люда! Ай да молодец! И я внимательно читаю, не внесла ли Люда в мою корреспонденцию отсебятины. Все в порядке, только в одном месте накладка: комсомолец Мордухович назван Руфиной, превращен из парня в девушку. За Руфину мне, конечно, придется извиниться перед Мордуховичем, свалить ошибку на плохую слышимость, на нерасторопную стенографистку...
И все равно эта Люда — молодец. Как только приеду в Москву, обязательно позвоню ей домой и скажу горячее спасибо.
И такой случай примерно через месяц представился. Я еду в Москву на совещание собкоров и прямо с вокзала, не заезжая ни домой, ни в редакцию, звоню по тому роковому телефону, две последние цифры которого не «67», а «57». Слышу в трубке знакомое «алльё». И начинаю разговор точь-в-точь как прошлый раз:
— Говорит Магнитогорск. Передаю корреспонденцию. Записывайте.
И слышу в ответ испуганный голос:
— Постойте, не диктуйте. Вас опять соединили не с тем номером.
— Нет, с тем, мне сегодня нужен как раз ваш номер. Добрый вечер, Люда.
— Это опять вы?
— Опять. Приехал в Москву сказать вам большое спасибо.
— И вам спасибо.
— За что мне?
— За ваше спасибо. Другой бы давно забыл, а вы через месяц вспомнили, позвонили.
Как будто все. Мы обменялись комплиментами, можно прощаться, вешать трубку. А я не прощаюсь, на что-то надеюсь.
— А что, Люда, если нам встретиться?
— Зачем?
— Чтобы продолжить знакомство. Пожать друг другу руку.
— Что ж, встретиться можно. Когда?
— Завтра днем вам удобно?
— Где?
— Место назначайте вы.
— Давайте в час дня, у памятника Первопечатнику. Это близко и от Малого Черкасского переулка, где находится редакция, и от Большого Черкасского, где живу я.
— Как мы узнаем друг друга?
— В час дня, кроме нас двоих, никого у памятника, наверное, не будет.
Наступает завтра. В двенадцать я отправился к памятнику Первопечатнику. По дороге зашел в парикмахерскую. Затем в цветочный магазин купить букетик гвоздики. Оттуда в кондитерскую за плиткой шоколада. Без пяти час я был уже у памятника. А здесь никого. Сажусь на скамейку, смотрю в сторону Большого Черкасского, откуда должна появиться Люда. Народу к памятнику шло много. Парни, девушки. Парни мне были не нужны, а среди девушек я высматривал только хорошеньких. Как увижу лицо поприятней, так тут же себе говорю:
— Это она. Сейчас подойдет, сядет рядом. Я подарю букетик. Возьму под руку. Предложу пройтись по Твербулю имени Алпуша (так в те далекие годы мы, комсомольцы, пользуясь телеграфным языком, называли Тверской бульвар имени Александра Пушкина).
Но хорошенькие не подходят. Идут мимо. Смотрю на часы — без пятнадцати два. Рядом на скамейке расположилась бабушка с коляской. Скоро подойдет Люда, а бабушка вместо того, чтобы встать, освободить для нее место, внимательно смотрит на меня.
— Вы, кажется, кого-то ждете?
— Это очень заметно?
— Я сама жду одного человека.
— Кого, если не секрет?
— Корреспондента «Комсомольской правды». Из Магнитогорска.
— Люда?
— Людмила Кондратьевна,— поправляет меня бабушка.
Я широко развожу руками и брякаю:
— Я представлял вас совсем не такой.
— Какой?
— Вы сказали по телефону — Люда... Я думал, вам лет семнадцать-восемнадцать.
— Внуки называют меня «бабой Людой», я так и сказала вам.
— Простите, про бабушку я не расслышал.
— А разве в редакции не сказали вам, сколько мне может быть лет?
— Я в редакции не был и звонил вчера прямо с вокзала. Спасибо за выручку в беде. Вы настоящий человек, вот вам на память,— сказал я и преподнес Людмиле Кондратьевне букетик.
— Гвоздика! — умилилась старушка.— Господи, сколько лет я не получала от молодых людей таких презентов! Понесу, подразню своего старика.
— Расскажите, как вас встретили в редакции.
— Хорошо. Зашла в комнату вашего заведующего Мирона. Он выслушал меня, посмеялся. Потом пригласил к себе, наверное, полредакции и велел второй раз рассказать, как я записывала вашу корреспонденцию. Затем повел меня в библиотеку и выписал на целый год «Комсомольскую правду». Как премию.
— И вы читаете ее?
— Читаю.
— Ну и как?
— А не обидитесь?
— Нет.
— Читала ваши корреспонденции, и вы рисовались мне совсем другим.
— Каким?
— Дедом-макоедом.
— Почему?
— Ворчите много. И то вам не нравится, и это... Одни строят медленно, другие плохо разворачивают культурную работу.
— Я не ворчу, а критикую нерадивых.
— Да вы не сердитесь. Я сказала про деда-макоеда так, чтобы отомстить за девчонку семнадцати лет. Думаете, приятно, когда приглашают на свидание тебя, а ждут другую, в короткой юбочке с голыми коленками?..
— Людмила Кондратьевна,— взмолился я.— Простите меня, дурака.
— Хотела отдать назад вашу гвоздику, да так уж и быть, оставлю у себя на память о «Комсомольской правде».

П. ФРОЛОВ

ЕЖ В КОНТОРЕ

В одной конторе городской
Был обнаружен еж морской.
Откуда!
Что за чудо!
Контору переполошив,
Все просто очумели:
Все осмотрели этажи,
В полах и окнах щели.
Судили так,
Судили сяк,
Подняли тысячи бумаг,
Что зиму шли и лето,—
Загадке нет ответа.
— Да беспокоитесь вы
что ж! —
Прозрел посыльный Гоша.—
Волной бумажной этот еж
Сюда и был заброшен!

ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ ДАМА

Была изысканна, твердила:
«Чудесно! Прелесть! Очень
мило!»
Но на футболе вдруг завыла:
«Судью долой! Судью
на мыло!»

ИЗ МИНИСТЕРСКОЙ ПОЧТЫ

Министру жалоба от жалобы:
«Уж лучше дома я
лежала бы!»

— А не пригласить ли его в наш институт на встречу с интересными людьми?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ЖАЛОБА

Каждый день магазин открывался с опозданием. Злые языки утверждали, что продавцы не успевают к положенному часу доводить до нужной кондиции сметану. Чтобы влить в бидон со сметаной молоко и хорошенько размешать, требовалось время. Покупатели говорили: «Если магазинные часы отстают, то магазин и закрывался бы позже. А ведь двери захлопываются ровно в семь вечера, минута в минуту».

Написав коллективную жалобу, покупатели стали ждать принятия мер. Но заветные двери по-прежнему распахивались с опозданием. Директор магазина узнал об этом случайно, заглянув как-то в книгу жалоб. Он страшно возмутился и крепко стукнул кулаком по прилавку.

— Чтобы больше покупатели перед закрытыми дверями не стояли! — приказал он.

И уже наутро меры были приняты. Возле магазина появилась большая свежевыкрашенная скамейка. Очень удобная скамейка паркового типа.

Б. СУСЛОВ

ВИЛЫ В БОК!

ДАШ-БАШ

Вначале я даже умилился. Народу в кафе было немного, и официантка, мелькнув белокрылой чайкой, скрылась в раздаточной. Ее не было пять минут, десять, двадцать... Когда она явилась вновь, я уже собирался выложить все, что о ней думаю. Но велико было мое изумление, когда она молча поставила передо мной сосиски.

Было чему удивляться! Ведь у нас, в средней полосе, официантка обычно подходит и спрашивает: что вы хотите? Здесь же налицо элементы рационализма и деловитости. Но деловитость достигла предела, когда я не получил с рубля сдачи. Официантка ушла искать причитающиеся мне тридцать копеек. Ушла, но так и не вернулась.

— Не удивляйся, друг,— сказал знакомый азербайджанец.— Ничего не поделаешь: даш-баш.

Здесь следует сказать, что слово «даш-баш» восходит к седой старине, оно, так сказать, освящено вековыми традициями. Рассказывают, что в прежние времена в Азербайджане широко была развита система взяток. Даш-баш брали управляющие промыслами, подрядчики, приставы. Даш-баш помогал получить выгодную должность, замазать преступление или осуществить самое пикантное желание. С даш-башем хорошо и удобно жилось мздоимцам и стяжателям...

И этот даш-баш как-то сумел пролезть в нашу современность.

Водитель автобуса № 105 Баку—Пирсагат сам получал деньги и выдавал билеты. Билеты он отмеривал саженями, не считая, всем своим видом показывая, что вести счет каким-то гривенникам для него просто унизительно. Но, несмотря на такую широту души и щедрость, он каждого обсчитывал копеек на шестьдесят. Эти поборы практикуются так широко, что даже неудобно называть фамилию какого-то одного водителя.

В Акстафинском ткацком цехе (Азербайджанское общество слепых) была раскрыта шайка жуликов. Они с большим творческим подъемом делали из ворованной продукции джемперы, жакеты, косынки и продавали все это через магазин. Когда работники ОБХСС накрыли банду, то, к большому изумлению, обнаружили, что среди рабочих цеха не столько слепых, сколько зрячих. Им выдавал фиктивные справки и принимал их на работу председатель райотдела общества слепых Б. Байрамов. Драл он за это и деньгами и натурой.

Не так давно попался на взятке начальник железнодорожного цеха одного из строительных управлений города Сумгаита Ш. Рзаев. За сто рублей он брался устроить в качестве проводника некоего Насирова. Приняв просителя в своем кабинете, Рзаев получил деньги и уже начертал соответствующую резолюцию, но был тут же арестован работниками милиции.

Даш-баш дословно переводится как «камень на голову». Но до сих пор его истинный смысл истолковывался как «барыш в кармане».

Мне лично больше нравится первоначальный вариант.

А. НИКОЛЬСКИЙ.

г. Баку.

Подарочек

Получила наша редакция подарочек. Правда, за подарочек пришлось заплатить. Распечатали мы на почте ценную бандероль и увидели несколько брошюр «Новая техника и передовой опыт в жилищно-коммунальном хозяйстве СССР». Прислал их нам книжный магазин № 39 «Москниги». А мы их и не заказывали.

Не успели мы налюбоваться этим подарком, как нам приносят еще одно извещение. Наложенный платеж был уже более солидным — пять с лишним рублей. Посмотрели — опять из того же магазина.

Подобные подарочки получили другие многотиражные газеты.

А. ЛЕВИН,
редактор газеты «На будові».

г. Донецк.

Прозванные «гориллами» реакционные правители ряда латиноамериканских стран укрывают около 16 тысяч бывших гитлеровских нацистов, повинных в совершении тягчайших военных преступлений.

УКРЫВАЕТ...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

БОМБА В ПАРЛАМЕНТЕ

Недавно в палате общин взорвалась бомба. Ее пронесли на галерею для публики и положили на кресло, в котором обычно сидит супруга премьер-министра. Часовой механизм был пущен в момент начала прений по вопросам обороны. Взрыв последовал, когда палата перешла к обсуждению нового бюджета. Все видели надвигающуюся угрозу, но, словно загипнотизированные, не могли даже пошевелиться, чтобы предотвратить ее. Разрушения, произведенные взрывом, не поддаются учету. Многие парламентарии получили тяжелые ранения в области сердца.

Предварительным следствием установлено, что террористический акт носил политический характер, хотя сама бомба позже отрицала это. Но против показаний бомбы неопровержимо свидетельствует тот факт, что пронесли ее на галерею два члена парламента — консерваторы Китсон и Эллиот. Не может не вызвать подозрения и следующее обстоятельство: бомба была установлена таким образом, что лейбористы сидели к ней спиной, а консерваторы лицом. Остается добавить, что бомба — американского происхождения, причем весьма крупного калибра, а именно 44-26-38.

Короче говоря, речь идет о знаменитой голливудской секс-бомбе Джейн Мэнсфильд.

Ее появление на галерее для публики было встречено дружным гулом. Это было явным нарушением парламентской традиции, согласно которой члены палаты не должны замечать посторонних. Но как не заметить Джейн! На ней было... вернее, ничего не было, кроме намека на декольте и «мини-скерт» — ультракороткой юбочки. (Впоследствии Мэнсфильд уверяла, что она выбрала для посещения парламента свой наиболее консервативный туалет.)

Гул затягивался, и спикер палаты общин — доктор Гораций Кинг вынужден был, поступившись хорошими манерами джентльмена, призвать палату общин к порядку. Было как раз время вопросов, и члены парламента, сообразно процедуре, вопросительно поглядывали друг на друга: что-то будет дальше?

Джейн Мэнсфильд раздавала улыбки налево и направо, что не совсем совпадало с политической рассадкой депутатов. Консерваторы были в более выгодном положении. Секс-бомба сидела напротив них. Лейбористы, которым она глядела в затылки, все время оборачивались (находясь у власти, приходится мириться с определенными неудобствами).

Министр обороны Дэнис Хили отвечал на вопрос о биологическом оружии. Мисс Мэнсфильд наглядно демонстрировала его эффективность.

Лейборист Липтон поинтересовался, сколько бомб было сброшено на танкер «Торри Каньон», сколько из них попало в цель, сколько мимо и во сколько все это обошлось. Ответ министра гласил: на злополучный танкер была сброшена сто семьдесят одна бомба. Трудно сказать, сколько бомб не попало в цель, ибо танкер заволокло густыми клубами дыма. Цена всех бомб — двести тысяч фунтов стерлингов. На лице мисс Мэнсфильд промелькнуло выражение горделивого превосходства. Еще бы, ведь она одна стоит больше, чем сто семьдесят английских бомб, и никогда не бьет мимо цели, в чем могли сегодня убедиться и сами парламентарии.

Наконец палата общин перешла к обсуждению бюджета. Консерватор Маклеод заявил, что цифра — три процента годового прироста продукции—взята правительством с потолка. (По-английски — «из воздуха».) На следующий день консервативные газеты писали, что в отличие от цифр лейбористского бюджета цифры 44-26-38, отражающие в дюймах габариты Мэнсфильд, хотя и не взяты из воздуха, но тем не менее дышат жизнью. (Еще одно свидетельство того, что бомба в парламенте была подложена тори.)

Возражавший Маклеоду министр экономики Стюарт горячо защищал политику «замораживания» цен и доходов. Он возмущался теми, кто сравнивает творцов этой политики с Мефистофелем, неизменно говорящим «нет». «Мы говорим «нет», — декламировал Стюарт, — чтобы поскорее приблизить время, когда мы сможем сказать «да». Мисс Мэнсфильд презрительно улыбнулась. В ее лексиконе отсутствуют такие слова, как «да» и «нет». Их место занимает слово «возможно». Оно более гибко и мало к чему обязывает. Здесь есть чему поучиться у секс-бомбы парламентариям и политикам...

Обсуждение бюджета затягивалось, и мисс Мэнсфильд, которой, видимо, надоела *кабалистика* цифр, решила покинуть галерею для публики. Она уходила, сопровождаемая всеобщим вздохом сожаления. (Бюджет не отличался новизной, а палате предстояло скучать еще несколько часов.)

При выходе секс-бомба была атакована представителями печати. И тут окончательно выяснилось, что очаровательная Джейн — секретное оружие тори.

— Конечно, все парламентарии большие душки, — щебетала мисс Мэнсфильд, — душки и джентльмены, истинные британские джентльмены. Они дебатировали в такой дружеской манере, что просто прелесть. И все смотрели в мою сторону. И все приветливо улыбались. Но, конечно, самое большое впечатление произвел на меня лидер консерваторов мистер Хит. Он волнует. И как он широко улыбался, глядя на меня! Ммм... Я слышала, что он не женат. А знает ли он, что я развожусь со своим мужем, самым мускулистым человеком на земле? Я догадываюсь, почему Хит так долго остается холостяком. Просто ему не посчастливилось встретить такую девушку, как я. Говорят, что он был бы вашим премьер-министром, если бы консерваторы не проиграли на выборах. Это правда? Я ничего не путаю?

Кто-то из нас спросил Мэнсфильд, как ей понравилась британская парламентская процедура.

— О, она просто очаровательна! Все эти парики и мечи... И вообще я очень люблю все эти церемонии и помпу. И мне очень понравились ваши загонялы на голосование. Их, кажется, зовут «уипами» — «хлыстами»? Это правда? Я ничего не путаю?

— Это правда. Вы ничего не путаете.

Когда я покидал парламент, было уже темно.

— Как дела? — спросил я по *привычке привратника.*

— Дела, как обычно.

— Взрыва не слышали?

— Нет, а что?

— Да так, ничего. Гуд бай!

— Гуд бай! Идете писать о нашем новом бюджете? Ну-ну, желаю успеха...

М. СТУРУА

Лондон, апрель.

С культурой у нас на хуторе слабовато. То есть баня-то, конечно, есть, и «Советский экран» выписываем, и даже девчата, которые побойчее, летку-енку танцуют, но все равно чего-то не хватает.

А не хватает нам главным образом кино.

Живут же люди в больших городах или в районном центре! Просто зависть берет. Ходят по шикарным кинотеатрам, все, что ни заснято, видели и обо всем свое мнение имеют. Скажем, пишет в одной газете один зритель, что, мол, просмотренный

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

фильм — это чепуха и сладкий мармелад. А в другой газете другой отвечает, что, мол, где ваши глаза, и мне, мол, этот киногерой, наоборот, дорог и близок. Вот такая полезная дискуссия.

Правда, на днях мы добились. Привезли к нам произведение искусства на грузовике. Об этом произведении искусства мы давно уже читали в «Советском экране» — и кто там снимался, и какой замечательный монтаж, и сколько зараз солдат в атаку бегало, и как актеры проникли в образы, и как эти самые образы, раскрываясь в динамичной смене эпизодов и игре светотени, создали незабываемое впечатление у нашего зрителя, и какая это победа на фронте, значит, отечественной кинематографии.

Вот мы и собрались к вечерку в клубе, он же контора. Все пришли — и молодые, и старые, и даже дед Парамонов, хотя и глухой. Девчата, что танцуют летку-енку, сели поближе к парням, а нетанцующие сбились в угол, на скамейке. Настроение у всех было торжественное, как на отчетно-выборном собрании.

Кино долго не начинали. Механик с добровольцами из пацанов часа полтора менял какие-то угли. Дед Парамонов заснул, попросив разбудить его, когда побегут в атаку.

Потом вдруг передвижка затарахтела, и по экрану быстро-быстро побежал солдат в обратную сторону. Он перебирал ногами вроде вперед, но бежал почему-то назад. Подбежав к окопу, он быстро, задом нырнул в него и закричал «ура». Вслед за тем мы увидели, как снаряд залетел в дуло пушки и раздался страшный грохот.

На этом механик показ остановил.

— Я не с того хвоста начал,— объяснил он нам и возился еще минут сорок.

К этому времени девчата, танцовавшие летку-енку, разбрелись со своими парнями кто куда, и в зале остались только истинные ценители искусства.

Наконец, механик запустил фильм нормально, и мы узнали, какой артист кого играет. Потом на экране появилась надпись «Была весна», и мы увидели желтый лес.

— Где же это видано,—сказал кто-то в зале,— чтобы лес весной был желтый. Это же младенцу ясно.

Механик остановил показ и объяснил, что это просто такая копия.

— Копия, говоришь? А нам не нужна копия. Давай нам натуральное произведение искусства,— сказал кто-то.

— Деревня,— ответил киномеханик с презрением.— Киноискусство, между прочим, существует именно только в копиях.

Затем он снова запустил свою передвижку. Лес вроде стал исправляться и даже зазеленел, но на экране вдруг пошел дождь.

— Гроза будет,— догадался кто-то.— Весной гроз много.

— И никакая не гроза,— сказал механик.— Тут по сюжету мирный день и любовное объяснение. А мелькают царапины. Процент поцарапанности у нас высокий. Не то, что в городах.

Любовное объяснение прошло своим чередом, только героиня почему-то говорила очень хрипучим басом, а героя вовсе не было слышно. По этому поводу в рядах заспорили. Две тетушки утверждали, что он ее любит, а она его нет, две другие — что наоборот, а старуха с первого ряда высказала предположение, что дело тут идет и вовсе не о любви, а она ему говорит строго, что, мол, война вот-вот будет.

И война действительно началась. Выстрелила пушка — на этот раз правильно. И герой пошел на фронт. Всем стало интересно, но тут у механика как раз кончилась часть, и он пошел по рядам собирать деньги. Он всегда так делает — собирает деньги после самой интересной части. Охотнее дают.

Собирал он долго, мы успели забыть, как звать героя, а половина народа ушла. Это те, которые экономят даже на кино.

Новая часть началась с того, что веселая и очень постаревшая героиня шла по перрону.

— Так. Части перепутаны. Бывает,— заявил механик.— Ну, вы уж посмотрите, как она его с войны встречает, а потом вернемся на войну.

Спорить было бесполезно, и опять кто-то молча ушел. Мы посмотрели, как героиня целует седого героя с полковничьими погонами и как плачет. Это было трогательно, и многие вынули платки, но тут раздалось жужжание, лицо героини странно сжалось, потом пропало, и в комнате *запахло горелым*.

— Обрыв,— громко сказал механик.— Пленка сгорела. Эту часть досматривать не будем. Предлагаю следующую. Там, значит, начальство решает, куда наступать, чтобы хитрее обойти противника. Но у этой части вообще нет фонограммы, и можно только догадываться, чего они решили. Я тоже не знаю.

Тут встали и ушли остальные.

— Валяй показывай! — решительно сказал я. — Я по губам пойму. Я понятливый.

— Ну, вот,— обиделся механик.— Стану я из-за одного человека надрываться.

Он сложил свои коробки, погрузил передвижку на машину и уехал.

Так окончилась наша встреча с произведением искусства. Мы остались очень недовольны. Какая это, простите меня, победа на фронте кинематографии, когда героиня разговаривает басом, солдаты бегают задом наперед, и от всего этого наутро только голова болит?

Решать кроссворды в «Огоньке» по крайней мере приятнее и спокойнее.

Не знаю, как там в больших городах, не знаю.

А у нас — вот таким образом.

Виктор ОРЛОВ

Искусство и жизнь

Свинья пришла на выставку. Между многих полотен художников стояло зеркало.

Свинья остановилась перед зеркалом и задумалась.

— Единственная хорошая картина,— наконец сказала она и, задрав хвостик, ушла.

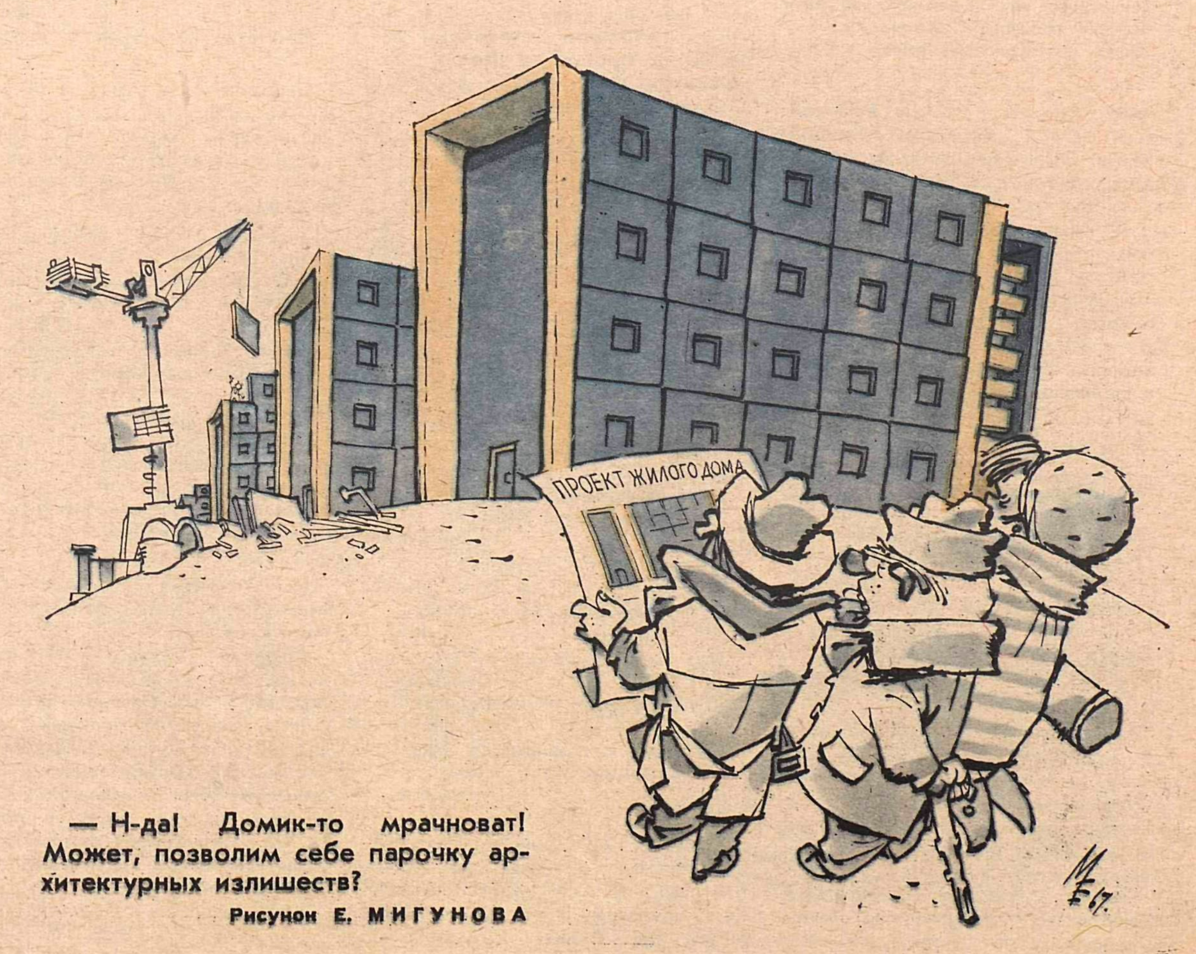
Учебе нет конца

Петух подал заявление в музыкальную школу.

— Зачем тебе еще учиться? — спросил соловей.— Ведь ты и так хорошо поешь.

— Я и сам это знаю,— ответил петух,— но курицы требуют диплома...

Л. КЯУЛЕЙКИС.

— Н-да! Домик-то мрачноват! Может, позволим себе парочку архитектурных излишеств?

Рисунок Е. МИГУНОВА

Малый, то есть Кляйн...

Время от времени в стане поэтов возникают жуткие потасовки. Слышится лязг холодного оружия, раздаются устрашающие воинственные голоса. Поводом скрестить мечи бывает один и тот же остроконфликтный, неразрешимый вопрос: «Кто у нас поэт номер один?»

Уймитесь, ярые спорщики. Сойдите с трибун, любители жарких, кровопролитных дебатов. Сядьте на свои места, поседевшие в дискуссиях задиры и забияки.

Вопрос решен. Номер один присваивается Юрию Дубасову. Разумеется, не без оснований. Он на «ты» с Тургеневым. С Иваном Сергеевичем. (**«Места, воспетые тобою, певец орловско-курских мест...»**) Он снисходительно, свысока похлопывает по плечу Блока. Александра Александровича. Кроме того, он прямой продолжатель и наследник Толстого. Льва Николаевича.

В предисловии к сборнику его стихов «От Волги до Эльбы» недвусмысленно и авторитетно заявлено: **«Лев Толстой сказал, что самым любимым его героем является правда. Эту характерную черту творчества Толстого продолжает и Юрий Дубасов».**

А раз так, книга издана с высоким почтением и совершенным к ней уважением. Отличный ледерин, первосортная бумага, портрет автора во всю страницу, портреты... любимых автором женщин, которые Юрий Дубасов любезно предоставил редакции из своего личного альбома. Наряду с изображениями прелестных дам есть также маленький портретик Суворова. Александра Васильевича. Ему тоже посвящен один стих.

Суворов с детства закалялся,
(Он знал, что ждет его война),
Водой холодной обливался,
Спал у открытого окна.

Надо сказать, что по военной части Юрий Дубасов большой мастак. Он имеет даже «военные соображения», каковые приходят в голову не всякому смертному,— разве что фельдмаршалам.

Весной 1940 года поэт с дипломом учителя пришел в Министерство просвещения БССР. Прочитать, как описано это историческое событие, далеко не безынтересно.

Я в Минске, в Министерстве просвещенья,
Не брал, конечно, захолустных мест:
Мои военные соображенья
Подсказывали только город Брест,
Затем что Брест (на случай отступленья)
Имел с Москвой прямое сообщенье.

Вот ведь какой хитроумный, дальновидный стратег! Пусть дурачки, не имеющие «военных соображений», едут в глубинку, в захолустные места, откуда «на случай отступленья» и не выберешься.

Юрий Дубасов внимательно анализирует предвоенную международную обстановку, его живо интересуют проблемы вооружений и народонаселения.

Немало Польша легионов
Тогда держала под ружьем
И тридцать с лишним миллионов
Имела жителей притом.

Правда, на последнем слове я споткнулся. Притом, притом... Да это же ильфо-петровский Васисуалий Лоханкин так изъяснялся. У него всегда на конце «притом» было. Для стихотворного размера. Кое-что есть у Юрия Дубасова и от Никифора Ляписа: **«Олеко Дундич крепко воевал».**

Еще более убеждаешься в неотразимом влиянии Никифора Ляписа на Дубасова, когда читаешь:

Убирал колхозник злаки,
Рано в поле выходил.

Наверняка колхозник был Гаврилой!

Но это, как пишут критики, не снижает. Тем более что ниже некуда. В остальных же стихах звучит свой, дубасовский голос: **«Клинок висит на ремешке, кого-то тяпнет по башке», «Когда противник Грауденц оставил, а с ним и население как раз...», «Когда уж я демо̀билизовался в соро́к шестом и в Вильне оказался».** Нельзя, конечно, пройти и мимо стихов о том, как шофер направил автомашину на дерево **«из-за перебегавшего мальчишки, чтобы ему не выдавило ки́шки».**

И все-таки главная тема вдохновенного продолжателя Льва Толстого не военная, а сердечная. Поэт — большой шалун, проказник, баловень судьбы, донжуан, дока в области науки страсти нежной, гроза женского пола, кавалер, лихой гусар. Несть числа его романам! Несмотря на то, что **«...выполнять сердечные веленья на фронте не давали разрешенья»,** *автор весьма преуспел в интимных делах.*

Мне часто вспоминается Янина,
Игнашчик по фамилии она.

Яниной открывается галерея «распрекрасных девиц».

Начав с Янины, девушки Куявской,
Рассказ о встречах безо всяких тайн,
Был очарован Зосею Поплавской,
Чуть не приехавшею в Болькенхайн,
Куда я переехал из Нойштадта.
Но в этом Нина Попик виновата.
Сидела Зося с Ниной у фрызьера,
Разоткровенничалась перед ней,
Что знает в Болькенхайне офицера,
Который мил ей внешностью своей.
Но Нина позавидовала Зосе
И повредила ей в таком вопросе.

Офицер с милой внешностью вспоминает, а также воспевает блондиночку Галю, дочь эмигранта «русскую княжну» Лилй (**«Где ты, Лили!.. Откликнись... Отзовись...»**), некую москвичку, которую для рифмы поэт называет **«моя птичка»**, сестер Янину и Богумилу (которая **«лирично, потатьянински любила, а я был поонегински к ней сух»**), подруг Дануту и Ирину.

Теперь по 38 тем подругам,
Их покидает молодость слегка,
Хотя еще в году 39-ом
Было́ по 18-ти девчатам.

Потом появилась еще одна Ирина. Ей особое предпочтение: к стихам об этой Ирине приобщен фотографический портрет. С Ириной автор познакомился, как он доверительно сообщает читателю, в трамвае. **«Она была красавица, как тополь!»** Поэтому стихотворец стал наведываться к ней.

Проездом заглянул я к той Ирине
Из Малого, то е́сть Кляйн, Масловца́.

Не знаю, как вас, дорогие читатели, меня же лично очень умиляет вторая строчка: «из Малого, то есть Кляйн...». Непосредственно и доходчиво. Ферштеен?

С фотографией напечатаны и стихи «Прекрасная дама». Это некто Романская. **«Шляхтянка, созданная Польшей панской, была еще лет 25-ти».** Ради нее мужественный автор готов идти на любой риск.

Я, не боясь жены, семейной драмы,
Храню среди портретов остальных
Портрет прекрасной неизвестной дамы.
С ней не сравнится даже Блока стих,
Хотя он тоже о прекрасной даме
Неплохо поговаривал стихами.

Слыхали? «Он тоже...» И к тому же «неплохо». Так, мол, Сашка, недурно у тебя получалось; умел, черт возьми, «поговаривать стихами», способный мужик. Почти как я.

«Встречи безо всяких тайн» столь увлекли автора, что он не *может остановиться там,* где следовало бы это сделать:

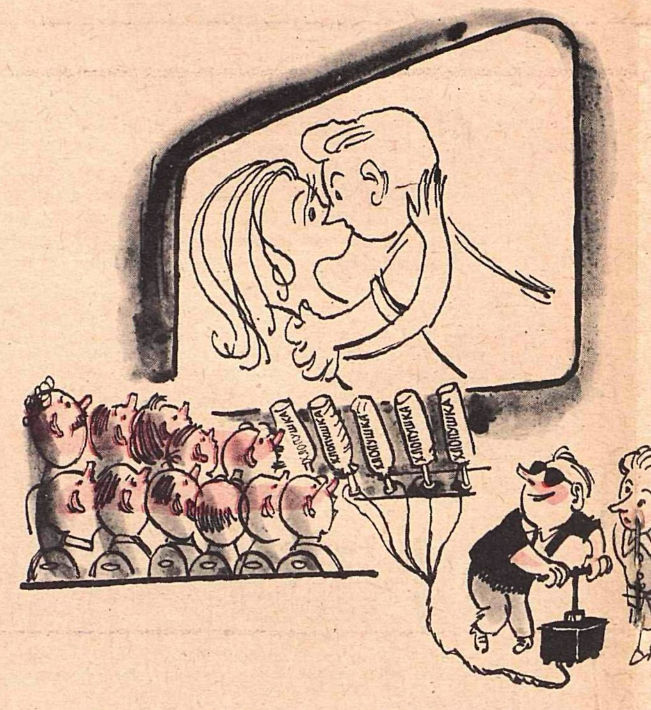
Была трава июльская помята,
Что было для Ирины в первый раз.

Помятая трава, между прочим, уже упоминалась в песне «Шумел камыш». Так что насчет травы не очень свежо. Лучше было бы сказать что-то, например, о соломе...

Книгу Юрия Дубасова издал Вильнюсский гарнизонный Дом офицеров.

Отдавая пальму первенства этому поэту, я исхожу из чисто деловых соображений. Есть опасения, что вдруг изданием сонетов и мадригалов займутся областные аптекоуправления, районные собесы и гарнизонные гауптвахты. А надо ли им включаться в поэтическое соревнование, если опередить Дубасова практически никто не сумеет?

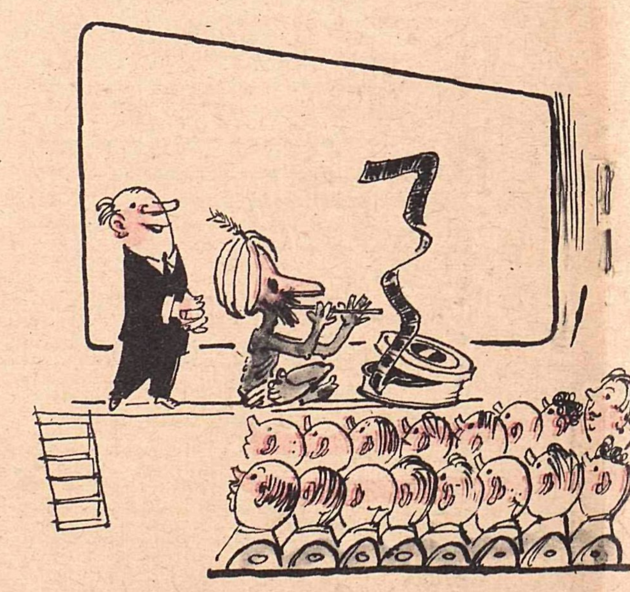
Бор. ЕГОРОВ

— В моих фильмах конец всегда неожиданны

— Эта башня выдержала два набега кочев ков и одну натурную съемку.

— Сейчас будет показан новый индийск фильм.

Рисунки А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕ

Собаки из бухты Провидения

На заре кинематографии постановщики довольствовались тем, что снимали артистов в небольших клетушках на фоне плюшевых портьер и ваз с матерчатыми цветами. Ныне, в век широкоформатного, стереоскопического и стереофонического кино, соответственно возрос и размах. Кинематографистам зачастую тесно в павильонах, и они воссоздают «натуру». В сценах битв у них участвуют регулярные войска, поддерживаемые танками и авиацией. Они устраивают извержения вулканов, обвалы и оползни, от которых на многие километры окрест вздрагивает земля. При этом сейсмографы регистрируют подземные толчки, а бухгалтерские работники хватаются за головы:

— Опять?

— Искусство есть искусство, — задорно отвечают киношники. — Мы не можем давать зрителю подделку. Наша задача — реалистически отображать жизнь.

— Да, но такое отображение влетает в копеечку.

— Вы сковываете нашу творческую инициативу! — голосят кинематографисты. — Там, где речь идет об искусстве, нельзя быть скрягами.

В этой связи нам хочется рассказать две притчи из практики студии «Ленфильм». Они взяты из актов, объяснительных записок и прочих сугубо серьезных документов, в достоверности которых нельзя сомневаться.

Притча первая — о ездовых собаках, понадобившихся для съемки картины, которая, как вы, наверное, догадываетесь, посвящена Дальнему Северу, на этот раз Чукотке. Конечно, их можно было бы приобрести где-нибудь вблизи Ленинграда, скажем, в Архангельской области, но это было бы не так экзотично. И вот представитель студии махнул за тысячи километров, прямо в бухту Провидения. Там он и произвел закупку собак. За каждую из них было уплачено 11 рублей 20 копеек, не считая расходов на корм. Перебросили их к месту съемок, в город Кировск, Мурманской области. Операция «Чукотка — Кировск» обошлась ни много ни мало в 9 720 рублей.

Но собаки оказались неблагодарными животными. Они не оценили этих затрат. Их не прельстила возможность стать популярными кинозвездами. Громким лаем выражали они свой протест против попытки зачислить их в киноактеры. Кончилось тем, что пять псов махнули хвостом и были таковы. Впрочем, остальных 35 собак все же удалось доставить к месту съемок.

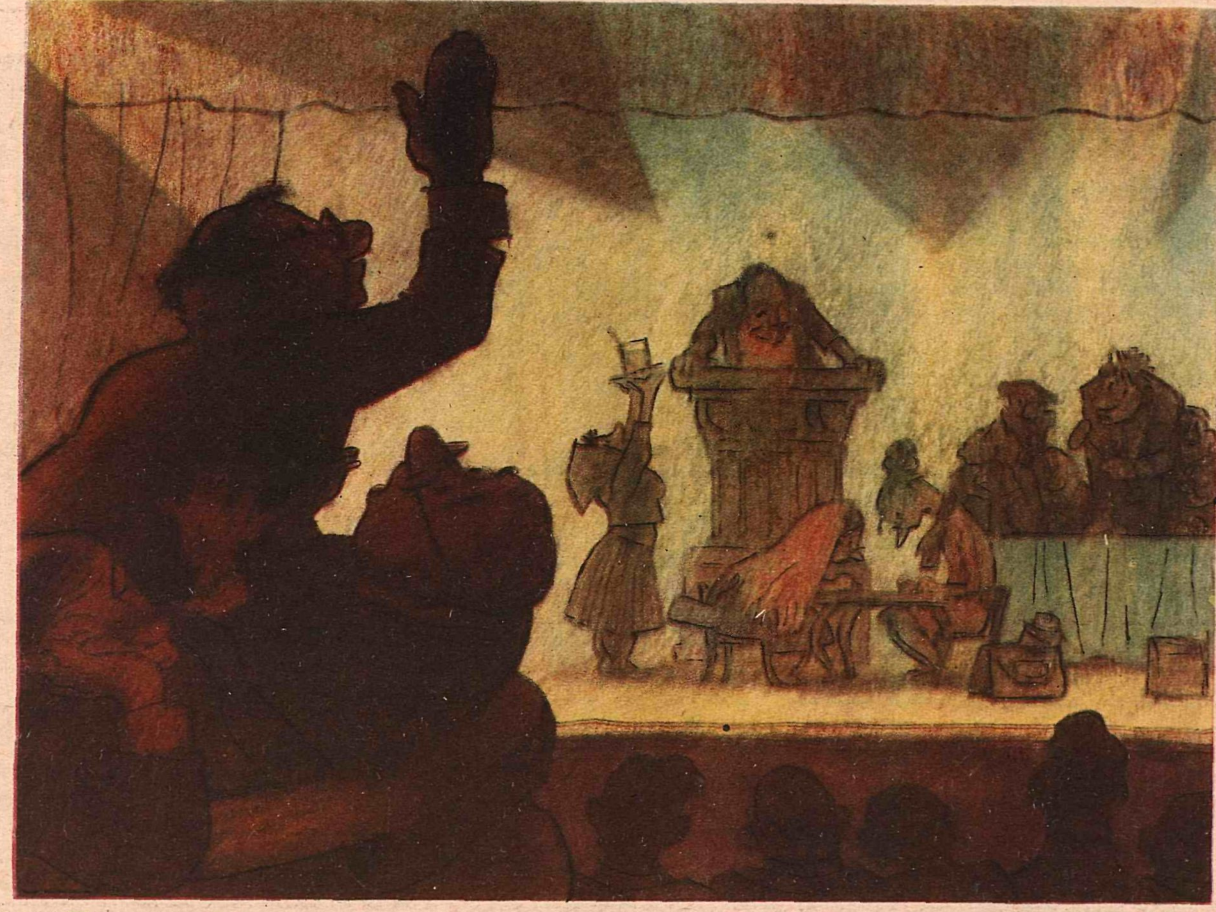
Ох, не зря чуяло собачье сердце, что будет неприятность! Когда отсверкали на съемочной площадке «юпитеры» и умолкло стрекотание съемочных камер, умные животные поняли, что роль их исчерпана и что дальнейшая их судьба никого больше не интересует. Поэтому добрая половина из них сочла, что самое благоразумное — вовремя скрыться. Искать беглецов никто не стал: кинематографистам было уже не до них. Оставшихся 17 псов сбыли Кировскому комбинату благоустройства по дешевке — по 2 рубля 50 копеек за каждого,— и на этом *киноэпопея завершилась*.

Другая притча тоже связана с натурными съемками, но уже не на севере страны, а на юге. Здесь, согласно сценарному замыслу, понадобилось уничтожить некоторое количество хлеба на корню. Памятуя о том, что искусство требует жертв, руководители совхоза «Красногорский», Карачаево-Черкесской области, нехотя предоставили для этой цели один из своих хлебных массивов. Пшеница на пяти гектарах была облита керосином и подожжена. Над золотым морем колосьев взметнулись кроваво-красные языки пламени. К небу повалили зловеще-черные клубы дыма. Эту выразительную сцену снимали с разных точек пять кинооператоров. Не менее эффектно горели солома и сено, тоже подожженные *во имя* реалистического отображения жизни. Впечатляющими оказались и цифры, когда был подбит итог. Всего было предано огню: пшеницы — 150 центнеров, соломы — 185, сена — 60. Этот зрелищный эффект обошелся студии в 1 010 рублей 80 копеек.

Мы, конечно, не в праве сковывать творческую фантазию. Но все-таки хочется пожелать кинематографистам: прежде чем произнести «Внимание! Съемка!», подумать, нельзя ли обойтись без расточительства.

М. МЕДВЕДЕВ

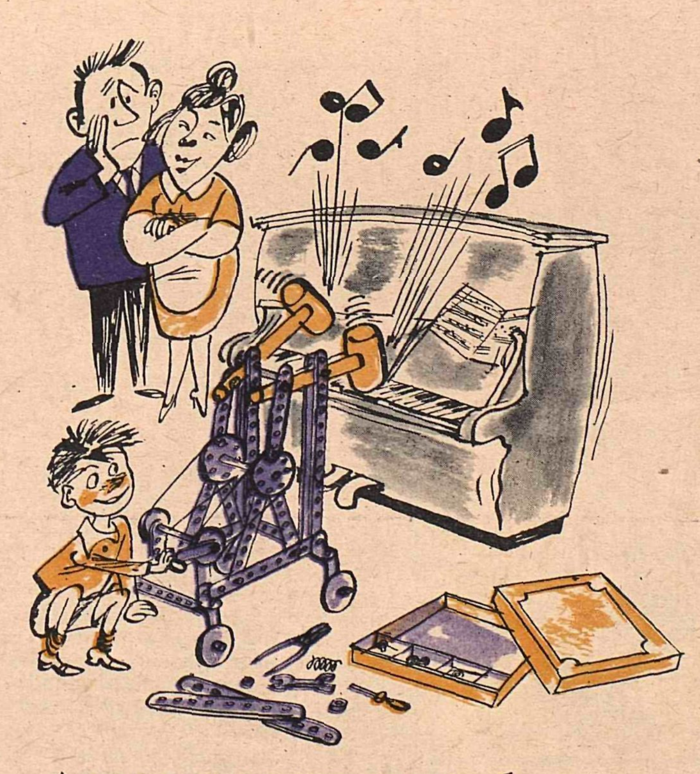
г. Ленинград.

— Прошу слова!
— Ты с ума сошел! Это же спектакль!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

— А ты говорила, у него нет способностей!

Рисунок Б. САВКОВА

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Литературные эпиграммы

С годами глупость его окрепла,
И вот изрек бездарный поэт:
— Не будь революции,
меня бы не было.
Милый! Тебя и сейчас... нет.

* * *

Все быстрее, все скорее
Льется, льется речь его,
Здесь и ямбы и хореи,
А сказать-то нечего.

* * *

Его не тронь: сочтут за святотатство.
Хоть лавров нет, но есть лауреатство.

* * *

Живет он пышной жизнью гранда,
Полны у гранда закрома.
Ума в нем больше, чем таланта,
А связей больше, чем ума.

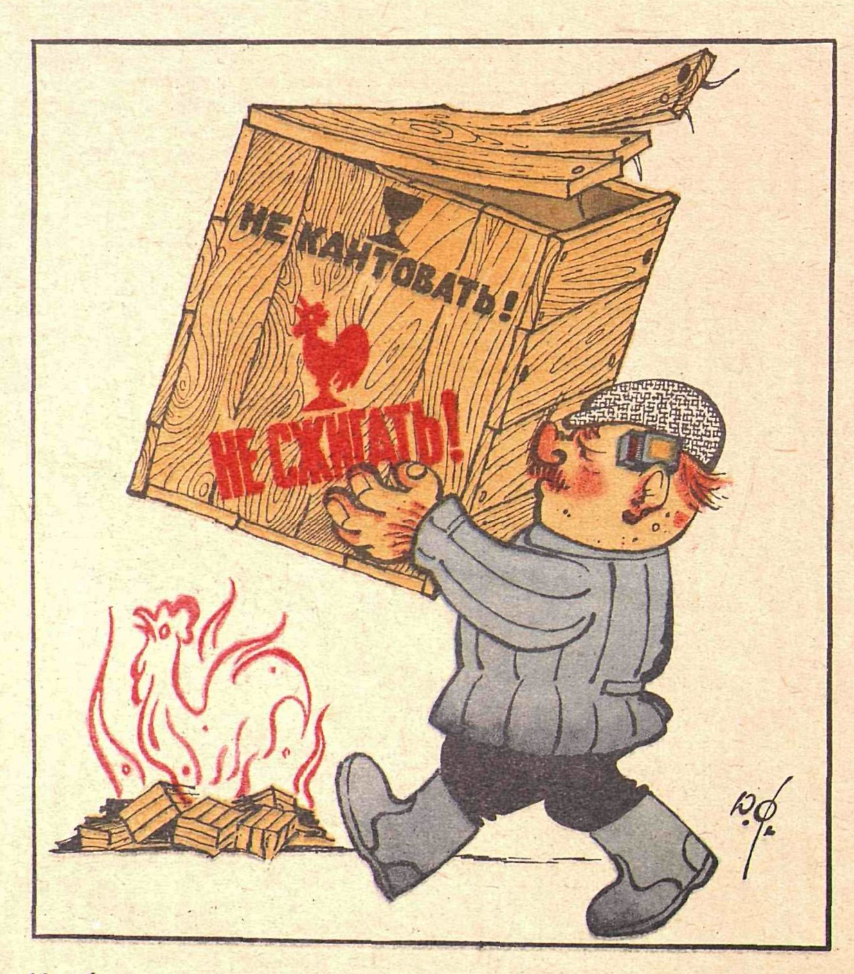
* * *

Эн-Эн от бешенства скачет козлом.
О, как величав он в этаком виде!..
Он за добро заплатил мне злом
И вот с тех пор меня ненавидит.

— Интересно, а где же пчелы достают гречневую крупу?

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Необходимое дополнение.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Дед Семен и инструкция

Житель села Александровка, Воронежской области, дед Семен Крутоголов допустил серьезный пробел в своем образовании — не обогатил память знанием юриспруденции, всяких ведомственных правил и инструкций. Деятельность его протекала в основном в границах приусадебного участка, а из всех инструкций он знал лишь те, которые касались ухода за собственной квочкой, поросенком и теленком. Что касается остального, то он даже не пытался наверстать упущенное, целиком и полностью полагаясь на районного прокурора тов. Уфтюжского. Человек ученый, все знает. Прокурору и законы в руки.

Так они и жили бок о бок — дед Семен и прокурор Уфтюжский. Дед не беспокоил прокурора, прокурор — деда. И, возможно, они никогда бы не встретились лицом к лицу, не случись с Семеном Крутоголовым такая история.

Дед Семен откормил телку и повел ее в Лосево на приемный пункт «Заготскотооткорма». Тамошний приемщик небрежно ткнул телку пальцем в бок и сказал:

— Средняя упитанность.

— Это почему же средняя? — горячо запротестовал дед, который знал свою телку до последней косточки.— Не средняя, а вышесредняя!

— Не согласен с моим определением? — равнодушно сказал приемщик.— Тогда забирай телку и валяй на все четыре стороны.

Дед Семен почесал затылок: вести телку по морозу домой неохота, а сдавать по средней упитанности обидно.

— Ладно,— решился Крутоголов.— Чем ее за шестьдесят километров тащить, принимай по средней.

— Распишись, что согласен.

Дед Семен расписался, шлепнул на прощанье свою воспитанницу по спине и получил в кассе деньги. А на душе было как-то муторно: уж он-то хорошо знал, что телка была вышесредней упитанности. И двинулся дед вслед за телкой в Лиски на мясокомбинат.

Как только телка прошла контрольные весы, дед поспешил в бухгалтерию комбината справиться: кто же прав — он или приемщик?

— Ваша телка оказалась вышесредней упитанности,— сказали в бухгалтерии,— и вам полагается с Лосевского приемного пункта 75 рублей 60 копеек доплаты.

Обрадованный дед первым же автобусом возвратился в Лосево.

— Верно,— сказали там ему,— приемщик ошибся. Но доплату выдать не можем, поскольку ваши 75 рублей 60 копеек пошли в государственный бюджет.

— Так я ведь телку сдал в бюджет! — воскликнул ошарашенный дед.— А деньги давайте мне...

— Не можем. Инструкция...

И тут дед Семен вспомнил прокурора Уфтюжского. Уж он-то все инструкции знает.

Прокурор выслушал Крутоголова и, горестно причмокнув, сказал:

— Много таких, как ты, дед, ходит ко мне с жалобами на приемщика, да только помочь ничем не могу. Денежки твои пошли государству. Такая, брат, инструкция.

Дед Семен верил прокурору Уфтюжскому, который все инструкции назубок знает, но почему его деньги пошли в бюджет, понять не мог. И послал он жалобу прокурору Воронежской области. Вскоре из области пришел ответ, подписанный прокурором отдела общего надзора Савельевым. Прокурор отдела предлагал прокурору района проверить заявление Крутоголова и уведомить заявителя и прокуратуру области подробной справкой.

И тов. Уфтюжский вновь попотчевал деда Семена инструкцией:

«Согласно п. 7 инструкции «О порядке и условиях сдачи и приема скота, птицы, кроликов...» разногласия в определении упитанности скота на приемных пунктах разрешаются представителями производственных управлений.

При несогласии одной из сторон с решением представителя управления животные, по которым возникли разногласия (читай: телка деда Семена.— **А. Г.**), должны быть приняты и доставлены в сопровождении несогласной стороны (то есть деда Семена) на ближайший мясокомбинат для контрольного забоя, после чего определяется упитанность скота...»

Семен Иванович Крутоголов инструкцию нарушил. Вместо того, чтобы потребовать контрольного забоя, разъяснил прокурор, он согласился с приемщиком, в чем и расписался. А посему «откормсовхоз выплатить сумму 75 руб. 60 коп., перечисленную мясокомбинатом от повышения упитанности, не может, и эта сумма перечислена в Союзный бюджет».

В прокуратуре области справкой прокурора Уфтюжского остались довольны и подшили ее к делу. Семен Иванович полученный им экземпляр справки переслал в «Крокодил». Редакция связалась с «Главзаготскотооткормом» Министерства сельского хозяйства СССР.

— 75 рублей 60 копеек ни в какой бюджет не пошли и должны быть возвращены сдатчику,— пояснили в министерстве.

После этого возник вопрос к тов. Уфтюжскому:

На основании какой инструкции прокурор покрывает комбинаторов из Лосевского пункта и шлет деду Семену очковтирательские ответы? И одному ли деду Семену?

А. ГОЛУБ

НА МЯГКОЙ ПОДУШКЕ

Сначала наша беседа походила на *известный диалог чеховского дьячка* Отлукавина с бабкой Федосьей из рассказа «Канитель». Мы никак не могли разобраться в обширнейшей родне Владимира Ивановича Бунчина, управляющего неверкинским районным объединением «Сельхозтехники».

— Значит, так,— поясняет наш собеседник, неверкинский абориген,— Виктор Иванович — брат Владимиру Ивановичу. Записали?

— Записали.

— Теперь тут же припишите Розу...

— Она кто?

— Дочка. Сюда же и Пелагею.

— И она дочь?

— Нет, жена Кузнецова.

— А Кузнецов кто?

— Двоюродный брат Владимира Ивановича.

— Ясно.

— Теперь Кузнецова...

— Позвольте, Кузнецова мы уже внесли...

— Так то был двоюродный брат, а это свекор Розы...

Владимир Иванович Бунчин проделал огромную работу. Он собрал в одном месте, объединил в одном производственном коллективе почти всех своих родичей. В наше время, сами понимаете, произвести такую операцию не просто. Владимиру Ивановичу было не легко сделать это еще и потому, что в моральном плане он человек весьма ранимый. Ему то и дело приходилось вступать в конфликт со своей совестью. Вот, скажем, такой случай. Приходит к нему дочь Роза и говорит:

— Папа, пристрой меня в своей конторе.

— Пристроить легко. Весь вопрос, дочь моя, какое тебе дать место. С техникой, если не считать мясорубки и дуршлага, по имеющимся у меня семейным сведениям, ты не знакома. Так что назначить тебя инженером совесть не позволит...

— А ты определи меня в буфет!

— Мысль интересная. Но определить не могу. Буфет находится в подчинении райпотребсоюза. Там работает одна симпатичная женщина. Предположим, что под моим нажимом ей дадут по косынке. Пойдут нездоровые разговоры, и мне будет совестно. Выходит, прежде чем совершить этот неэтичный поступок, придется крепко подумать...

Думал Владимир Иванович, терзался, пока не принял решения закрыть буфет за ненадобностью. Симпатичную женщину уволили. Потом буфет заново открыли, и там за стойкой уже стояла Розочка.

Поработала Роза Владимировна немного и говорит:

— Папа, дайте мне казенную квартиру.

— Это никак невозможно, дочь моя. Казенные квартиры предназначены для сотрудников «Сельхозтехники», ты же числишься в райпотребсоюзе...

Собрались родственники Владимира Ивановича и начали его увещевать:

— Какой же ты отец, ежели дочь свою, родную кровиночку, заставляешь так далеко ходить со службы домой! Это же палачество! Дай ей казенную квартиру!

— А партийная совесть! — заламывает руки Владимир Иванович.— Ведь она начисто меня замучает!

Долго боролся с самим собой Владимир Иванович, извелся весь. Потом махнул рукой, дал казенную квартиру.

— Спасибо, папа,— говорит Роза Владимировна.— Теперь пристрой на работу свекра и мужа.

— Ты что, смеешься?! Куда ты меня толкаешь? Контора не родовая вотчина. После такого поступка я был бы сам себе противен!

— А вы назначьте их на самую что ни на есть маленькую должность...

— Разве что на маленькую...

— Тогда,— говорят родичи,— пристрой заодно и Василия Ивановича.

— Это еще что за Василий Иванович?

— Муж твоей двоюродной сестры.

— Ни в коем случае! Режьте мое административно-хозяйственное тело на куски — не соглашусь!

Тут родственники начинают увещевать главу рода, приводить разные веские доводы и соображения. Дескать, Василий Иванович — незаметная веточка на развесистом семейном дереве. Он такой дальний родственник, про которого в старину говорили: нашему слесарю двоюродный забор. Другие кричат, что поскольку все собрались под крыло Владимира Ивановича, то и впредь надо держаться кучно. Так уж испокон веку заведено: раз отец рыбак, то и дети в воду смотрят. И опять же ежели вся семья вместе, так и душа на месте.

Словом, и на этот раз уломали Владимира Ивановича. И, повторяем, так уж получилось, что почти все родственники работают у него в конторе. И это, если хотите, в значительной мере облегчает ему руководство. Вот, скажем, созывает он своих родных и близких на совет и говорит:

— В третьем квартале с планом у нас не все складно. Нельзя ли какнибудь поднять процент выполнения на бо́льшую высоту?..

— Поднять всегда можно,— дружно отвечают родные и близкие.— Было бы желание. Скажи только слово, и все будет сделано в лучшем виде...

— Тогда прошу вас, чтобы все было чисто и аккуратно. Я хочу спать спокойно. Надеюсь, вам не надо объяснять, что самая мягкая подушка — чистая совесть!

— Не волнуйся,— отвечает родня.— Мы себе не *враги*. Твоя совесть ничем не будет потревожена. Командируй нас в колхоз.

Снарядил Владимир Иванович одного в колхоз «Восход», другого — в «Дружбу». И там доверенные гонцы, не знаем уж каким образом, получили согласие прибавить к перечню работ, выполненных «Сельхозтехникой», сооружения, построенные самими колхозами. Привезли они Владимиру Ивановичу акты на несделанные работы. Документы были составлены по всей форме. В первом сказано, что работы выполнены «хорошо», во втором — даже «отлично».

Посмотрел Владимир Иванович на бумаги и даже прослезился.

— Вот это подарок! — говорит.— Раз есть такие замечательные акты, я могу остаться один на один со своей совестью!

— Безусловно,— отвечают близкие.— Спи спокойно на мягкой подушке.

Впрочем, не всегда родственники доставляют Владимиру Ивановичу радость. Бывают и огорчения. Разбил свекор Розы колхозную машину. Владимир Иванович разгневался.

— Я ему покажу,— говорит,— как пьяным за руль садиться!

Родственники заступаются, просят:

— Замахнись, да не ударь!

Владимир Иванович долго терзался, пока не решил:

— Один господь бог без греха, да и то, по последним данным, его и на свете нет.

Так что поднял Владимир Иванович руку, но тут же и опустил...

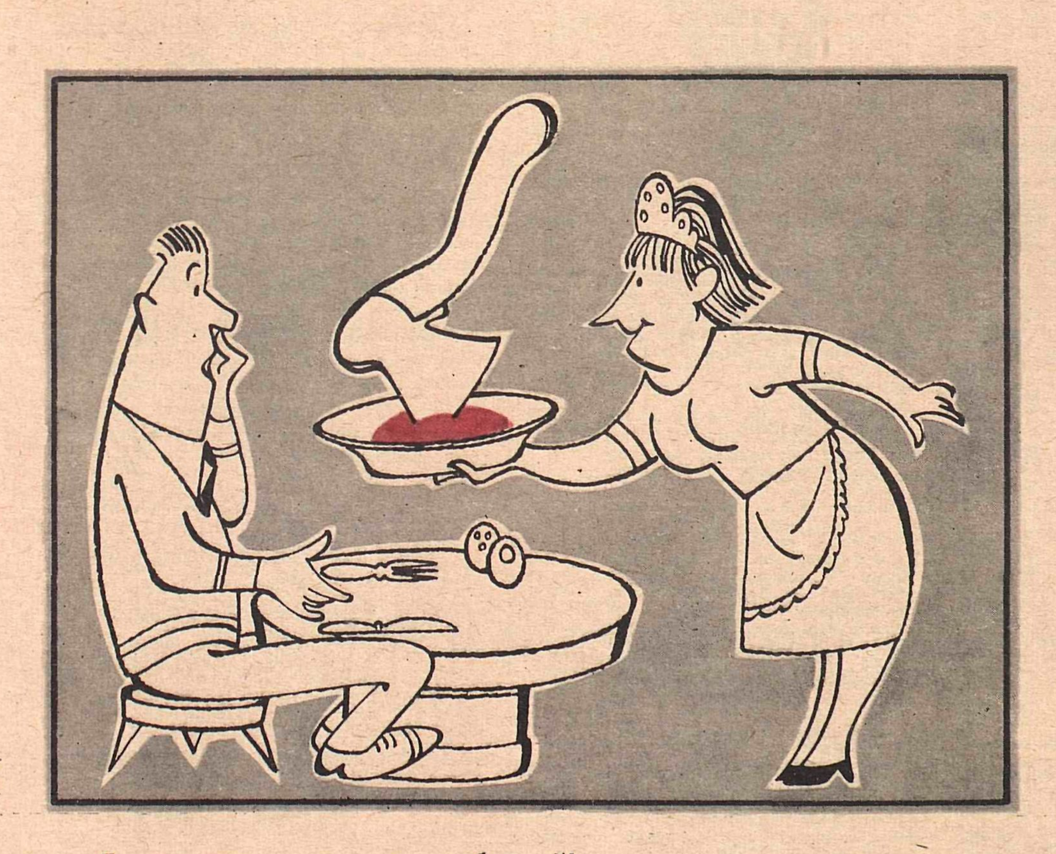
...Мы заканчиваем беседу с неверкинским аборигеном.

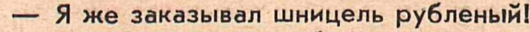
— Ну, а как сейчас себя чувствует Владимир Иванович?

— Преотлично. Он по сей день руководит районным объединением. И контора, кажется, не на плохом счету. И как глава рода он на высоте. Родичи премного довольны. На учрежденческо-семейных вечерах в его честь гремят величальные песни...

С. ПУШКОВ,
Д. ЯСИНОВСКИЙ

Пензенская область.

— Я же заказывал шницель рубленый!
— Повар устал, разрубите сами.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Гражданин, за чемодан будем платить?

Рисунок Г. ИОРША

ПЕРЕСТРАХОВЩИК

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Посадка пассажиров в трамвай, идущий в петлю, запрещается».

(Объявление на конечной остановке трамвая № 12).

Прислала З. ЯКУБОВА.

г. Калинин.

«Желающие пасти гражданских овец просим обращаться в сельсовет».

Записал А. ЧЛЕНОВ.

Астраханская область.

«Я был очень возбужден проигрышем «Спартака», зубы мои щелкали, и как раз подвернулось ухо соседа».

(Из объяснения).

Копию снял Н. ЛЕТОВ.

г. Москва.

«Кто потерял пиджак или упал с балкона, просьба обратиться в домоуправление».

Списал А. ТУЛЬЧИНСКИЙ.

г. Харьков.

«Рассмотрев дело Прохорова И. А. на Прохорова В. А., товарищеский суд решил: подвергнуть штрафу по 5 рублей каждого за то, что они являются родными братьями».

(Из решения товарищеского суда).

Выписал А. КУЗНЕЦОВ.

п. Дубровка, Брянской области.

Как один художник целый архипелаг рассмешил

Началось-то все не со смешного. В 1741 году командор Витус Беринг заметил на горизонте Берингова моря остров Беринга. Невдалеке от него обнаружились другие, помельче. И нарекли архипелаг в честь командора Командорскими островами.

Прошло 225 лет.

Все так же наползали туманы на крутые командорские скалы, и крикливые птицы по-прежнему сварливо гомонили на прибрежных утесах, и морские котики, деловито отфыркиваясь, выныривали из косматой студеной волны. А на заседании Алеутского райисполкома было решено увековечить знаменательную дату: отчеканить к юбилею памятный значок.

Местные умельцы взялись рисовать эскизы. Сделали несколько разных вариантов. Райисполком отослал их вместе с письмом-заказом далеко на запад, в Москву, в Экспериментальный творческо - производственный комбинат.

Художественный совет комбината выбрал из всех вариантов один и передал работу над значком художнику В. Кутяеву.

В эскизе на переднем плане командорского значка был изображен морской котик. Правильно изображен, в соответствии с Бремом. Но художник рассудил по-своему. Во-первых, умозаключил он, котик—это в общем-то кот. А Командоры — это где-то там, далеко, в сибирском направлении. А у сибирских котов хвосты пушистые. Стало быть, и командорский котик должен быть с пышным хвостом.

Так и нарисовал. И жители Командоров получили из Москвы три тысячи значков с великолепным хвостатым котиком.

Невиданный зверь изрядно повеселил островитян и послужил темой бесчисленных острот по адресу творческо - производственного комбината. Говорят даже, что раскаты 12-балльного хохота распугали натуральных котиков у побережья, вследствие чего был поставлен под угрозу план их добычи.

Что ж, усмехнемся и мы. Хе-хе...

Но, между прочим, за изобретение котикового хвоста в напряженном творческом процессе перерисовки чужого эскиза В. Кутяев получил восемьдесят рублей гонорара.

Вот вам и «хе-хе».

В. АЛЕКСАНДРОВ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Добиться 100% вложения норм закладки продуктов в блюда».

(Из обязательства столовой № 15).

Прислал Н. ПОПОВ.

г. Нальчик.

«На каждую игру команда выставляет две мужские доски и одну женскую».

(Объявление о проведении шахматного турнира).

Записал П. МАТЬКОВ.

г. Душанбе.

«Товарищи!
Мы не должны ждать от бога милости, а должны взять все от природы.

И. В. Мичурин».

(Из членской книжки общества садоводов-любителей).

Прислала Л. СОЛОВОВА.

г. Челябинск.

«С помощью нецензурных слов шофер закрыл задний борт на один крюк и тем самым нарушил правила перевозки людей в горных условиях».

(Из акта).

Выписал Я. ЛИЧОС.

г. Чирчик.

ТАЙНА

Было тихое весеннее утро. Убаюканный ласковым солнцем, перекресток тихо дремал. Только бабушки на бульваре шуршали галькой, с завидным упорством раскачивая в колясках внуков и внучек; только пели на акациях соловьи, и старый мохнатый пес, высунув язык, лежал в позе мраморного льва, прикорнувшего на пару столетий.

Ничто не предвещало беды, но колесо судьбы неумолимо вертелось, и где-то в подспудных глубинах времени бурливо рождался катаклизм.

К счастью, милиция не дремала. *Проворная легковушка с красной* окантовкой вырвалась из-за угла, встала на перекрестке и взволнованно оповестила:

— Бу-у, бу-у, бу-у!

Слова разобрать было нельзя, они ворочались, как булыжник в камнедробилке, и действовали, как булыжник же, которым бьют по голове.

Соловьи улетели. Собака позорно шарахнулась в сторону. А бабушки прибежали к постовому милиционеру с тревожным вопросом:

— В чем дело?!

Постовой честно пожал плечами. Он не знал, в чем дело. Тайна вещего предупреждения осталась нераскрытой. Но положение, видимо, с каждой минутой становилось все более серьезным, потому что на смену умчавшейся легковушке подскочил автофургон, взывавший всеми своими лакированными боками к тем, которые нарушают. Мегафоны повернулись на рубке, как боевые орудия, и, обеспечив круговой охват, заголосили еще сильней и четче:

— Бу-у, бу-у, бу-у!

Грузной рысцой бабушки укатили коляски. Только самые отважные *пешеходы*, верные мужскому долгу, неторопливо продолжали свой путь. Что-то должно было сейчас стрястись. Что-то приближалось к перекрестку. Но что? Потерявший управление сорокатонный «МАЗ»? Крыло урагана «Флора»?

Фургон вскоре умчался. Через минуту на всех парах подоспел похожий на люльку трамвай. Он был весь, как ванька-встанька, покрыт яичными колерами — белком и желтком — и расписан картинками на библейские темы ОРУДа: младенец, играющий на мостовой, святой гражданин, переходящий улицу в положенном месте, тайная вечеря шоферов с употреблением спиртных напитков и всеми вытекающими отсюда последствиями.

Расписной вагон занял свою позицию, изготовился и иерихонским голосом воззвал ко всем гражданам:

— Бу-у, бу-у, бу-у!

Самый бесстрашный пешеход, заткнув уши пальцами, метнулся к трамваю и спросил у сидевшего за микрофоном симпатичного лейтенанта:

— Ради бога, что случилось?

Лейтенант высунул голову и объявил:

— Соблюдайте тишину!

«МИНУТОЧКУ!»

ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ

Последний гвоздь, выработанный моим станком, получился неудачным. Он был короче своих собратьев, а его кривые бока выпирали за пределы допусков.

Я швырнул уродливый гвоздь в ящик с отходами, тем самым внеся вклад в дело борьбы за честь заводской марки. Затем сдал на склад ящики с нормальными гвоздями, внеся вклад и в дело выполнения плана.

Впереди был день отгула, и я пошел домой отсыпаться. Но задуманный сон не получился.

Рано утром я был доставлен в кабинет начальника цеха. В кабинете заседали руководители завода и так выразительно молчали, что я проснулся окончательно.

Наконец заговорил директор. Его волновала судьба вчерашнего гвоздя-урода, и он не мог понять, как это член профсоюза и ударник коммунистического труда выбросил готовую продукцию.

Осознав ошибку, я взялся найти гвоздь, но, уходя, предупредил:

— Гвоздь не соответствует ГОСТу, ОТК его не примет.

— ОТК разберется, принимать или нет,— пресек директор.— Ваше дело — предъявить готовую продукцию.

Гвоздь я нашел на платформе, вывозившей с завода металлолом. Тут же он был предъявлен ОТК.

Старший контрольный мастер по пунктам перечислил особые приметы гвоздя: искривление, укороченность и налет ржавчины.

Бумага была отправлена руководству за резолюцией, а гвоздь возвращен мне на доработку. Я не знал, что с ним делать, и пошел за указаниями.

Указание я получил от директора. Он сказал:

— Идите, Петров, промойте гвоздь керосином, смажьте вазелином и предъявите в ОТК вторично.

Через пять минут я сдал гвоздь в ОТК, внеся тем самым дополнительный вклад как в дело выполнения месячной программы, так и в дело борьбы за честь заводской марки.

«ШЛЯПКА»

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

НА ЛЫЖНЕ

Шли мы рядышком, как дошкольники на прогулке, даже пар от дыхания смешивался, но он был на лыжне, а я увязал в пушистом снегу.

Так продолжалось довольно долго, наконец я отдышался и сказал ласково:

— Слушай, приятель, у тебя ухо совсем побелело...

Пока он распутывал тесемки ушанки, накрепко стянутые под подбородком, я сумел влезть на лыжню и оторваться от него метров на шесть.

Видимо, гнев взбодрил его. Через полчаса мы снова пошли ноздря в ноздрю, и он заорал, не переводя дыхания:

— Ты... ты... и все в твоем цехе трепачи и очковтиратели!

Тут он окончательно обессилел и сел в сугроб.

Теряя драгоценные минуты, я протянул сопернику руку, помог встать и даже подпер его плечом, пока он всовывал ботинки в лыжные крепления. Пусть не говорит потом, что я выиграл гонку, воспользовавшись счастливым случаем.

Но пропустить мимо ушей хулу в адрес цеха я не мог, и мы еще поспорили о плане, браке, приписках и о постановке физкультурной работы в своих коллективах.

Рисуя на снегу график подготовки к массовому лыжному кроссу, я прозевал момент, когда он вскарабкался на лыжню и ушел вперед.

Догнал я его, конечно, в два счета. Но для этого мне пришлось снять лыжи, чтоб не мешали... Я прыгнул на какой-то пенек, затем на лыжню перед самым его носом и устремился вперед, стараясь не соскользнуть с накатанной полосы.

Уверен, что показал бы неплохое время. Но мне не повезло: я свалился с довольно крутого спуска и ухнул в яму.

Открыв глаза, я обнаружил, что со всех сторон окружен слоем снега. Пришлось несколько раз крикнуть: «А-у-у! Спасите, люди!» — и вскоре я почувствовал, что меня тянут за ноги вверх.

После того, как он помог мне вытряхнуть снег из трусов и из майки, мы окончательно прониклись друг к другу симпатией и совсем мирно побеседовали о любви к спорту. Попутно выяснили, когда каждый из нас впервые встал на лыжи...

В сумерках мы вышли на финишную прямую. С криками «ура» к нам бросились наши друзья, а главный судья заплакал.

— Живы, милые, живы! — приговаривал он, сморкаясь в протокол соревнований.— А мы уже хотели лес прочесывать...

«БАРМАЛЕЙ»

ИСПОВЕДЬ

Девушек звали Нина и Зина. Нина — беленькая, а Зина — черненькая. Мы с Валеркой познакомились с ними в кафе «Фиалка».

Мне понравилась черненькая Зина, но и Валерке тоже.

Тогда я, *как верный друг* и порядочный человек, стал ухаживать за Ниной. Это потом только выяснилось, что Нине больше понравился Валерка, а Зине я. Но пока ничего не было ясно, я безо всякого удовольствия поклялся Нине в любви с первого взгляда.

При этом меня занесло так далеко, что я, будучи человеком порядочным, назначил ей свидание.

Другой на моем месте не пришел бы на это свидание, но я не так воспитан. Мало того, что я купил ей букетик цветов, я, содрогнувшись, сказал, что жить без нее не могу. И с отвращением сделал ей предложение.

Она хотела сказать мне «нет», но у нее уже были моральные *обязательства передо мной*, потому что перед этим она с чувством омерзения позволила мне себя поцеловать...

Дрожа от взаимной ненависти, мы зарегистрировали наш брачный союз. Конечно, я еще мог сбежать из Дворца бракосочетаний, если бы не был порядочным человеком.

Целых три дня мы прожили под одной крышей, мечтая убить друг друга. Она не выдержала первая и ушла к Валерке.

Теперь я обязан покончить жизнь самоубийством, потому что только так может поступить порядочный человек, который уверял любимую женщину, что не проживет без нее и дня.

Конечно, сначала я напишу записку: «В моей смерти прошу никого не винить»,— чтобы никто не пострадал из-за меня. Иначе с моей стороны было бы непорядочно!

«БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ»

30 апреля истек срок представления коротких рассказов на конкурс «Улыбка, 67», об условиях которого мы сообщали в № 32 за 1966 год и № 1 за 1967 год. Лучшие рассказы, поступившие в редакцию, мы будем печатать до подведения итогов конкурса. Как известно, жюри этого конкурса—все читатели журнала. Ждем ваших отзывов о конкурсных рассказах, дорогие читатели. На конверте не забудьте пометить: «Жюри—читатель».

Янки ехали через Альпы в туристическом автобусе. Один из американцев спросил шофера:

— Не скажете ли, откуда взялись эти громадные скалы?

— Они попали сюда вместе с глетчерами, — находчиво ответил шофер.

— А куда же делись глетчеры? — приставал американец.

— Они ушли за новыми скалами.

— Благодарю вас, — удовлетворенно пробормотал американец и достал записную книжку.

●

— Папа, что это за птица?

— Не знаю.

— А почему ты не спросил, когда был маленьким?

●

Популярный итальянский киноартист Альберто Сорди славится остроумием.

— Как ты думаешь, — спросил у него однажды приятель, — сколько, как минимум, должен зарабатывать человек, который хочет жениться?

— Втрое больше! — ответил артист.

●

К Альберто Сорди сквозь толпу молоденьких поклонниц его таланта пробилась старушка.

— Синьор Сорди, не могли бы вы дать автограф также и пожилой женщине?

— Охотно, — отвечал Сорди, известный не только остроумием, но и вежливостью. — Но где же она?

●

— Чем объяснить, что ты после женитьбы бросил заниматься нумизматикой?

— Теперь я занят поисками современных монет.

●

— Сэр, разрешите выразить вам свое сочувствие. Я слышал, что ваша жена сбежала с вашим лакеем.

— Пустяки. Я все равно собирался его уволить.

●

Официант приносит отбивную котлету, придерживая ее пальцем. Гость гневно спрашивает:

— Нельзя ли снять палец с моей котлеты?

— Неужели, сэр, вы хотите, чтобы я уронил отбивную в третий раз?

●

Как известно, католические священники не имеют права вступать в брак.

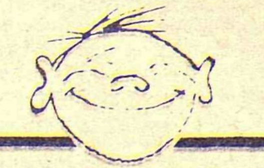
— Как ты думаешь, — спрашивает один священник у другого, — доживем мы до тех дней, когда запрет будет снят?

— Мы-то вряд ли, но дети наши наверняка доживут.

●

Джон, увидев астрономические цены в ресторанном меню, спрашивает свою даму:

— Что же хочет заказать моя толстушка?

МОЙ ЗНАКОМЫЙ НАХАЛ

Э. КУДРЯВЦЕВ

РАССКАЗ

В то утро я, как обычно, стоял возле табачного киоска и ждал своей очереди. И вдруг мне дыхнули в самое ухо:

— Пачку «Беломора» и спички! Здесь без сдачи.

На меня в упор смотрели немигающие глаза незнакомца. Гипнотический взгляд источал требование немедленно и без шума подчиниться.

Я покорно протянул руку и сразу же ощутил на своей ладони монетки.

— Мерси, дружище! — Незнакомец фамильярно хлопнул меня по плечу, сунул пачку папирос в карман и небрежной походкой удачливого человека продефилировал мимо очереди курильщиков.

— Вот нахал! — бросил кто-то вдогонку.

«Вот нахал!» — повторил я про себя.

Если говорят, что мир тесен, то микрорайон и подавно. И вскоре я столкнулся с Нахалом вновь. Он ласково обнял крыло моего «Запорожца» и хладнокровно выслушал визг тормозов. Потом решительно открыл дверцу и плюхнулся на сиденье.

— Привет, старина! В центр, конечно? Ну жми-дави, я не мешаю!

Он не мешал до первого перекрестка. Но тут...

— Стой! Стой! — истерически завопил Нахал.— Рули к тротуару!

«Случилось что-то непоправимое,— подумал я.— Не иначе где-то сзади лежит бездыханная старушка».

— Один момент,— уже спокойно сказал Нахал, когда мы остановились.— Ну, сами подумайте, не могу же я оставить на дороге секретаршу своего директора... Сюда, Муза Ивановна, сюда, в кабриолет!

В тот день я опоздал на работу.

Совсем скоро Нахал решил, что настала пора сесть мне на голову. Точнее говоря, в один прекрасный вечер я застал его сидящим на моем месте в кинотеатре. Завидев меня, Нахал расплылся в обворожительной улыбке:

— О, друг мой, так это ваше место? Чудесно! Мне просто повезло. Вы человек, по всему видно, добрый... Сделайте милость, пойдите на мое место, я не могу сидеть так далеко.

Свет в зале дрогнул и начал медленно гаснуть. Пришлось опять сдаться...

С самого начала сеанса я ерзал на стуле в предпоследнем ряду — мешала колонна, которая рассекала экран надвое. И когда назревала кульминация фильма и зал затаил дыхание, я крикнул в отчаянии:

— Неужели нельзя убрать эту чертову колонну! Куда смотрит администрация?!

В зале зашикали. Я ушел, не досмотрев полкартины.

Едва переступив порог квартиры, я заперся в ванной и посмотрел на себя в зеркало. Меня интересовало одно: как я выгляжу с его, Нахаловой, точки зрения.

Ну конечно! Пухленькие губки добряка, мягкое выражение лица, а в линии подбородка — кошмар! — никакой твердости духа!

Я репетировал перед зеркалом полчаса. Отработал строгое, жесткое выражение лица. Сузил губы, нашел волевую линию подбородка.

Ну, теперь только попадись мне, Нахал! Я уничтожу тебя ледяным пренебрежением и непреклонностью воли. Не жди от меня никаких уступок. Наглецов надо учить!

Когда я вышел из ванной комнаты, жена ахнула:

— Что с тобой? Ты какой-то злой, незнакомый...

— Я не люблю нахалов! — вдруг закричал я.— Понимаешь, вообще всех нахалов просто ненавижу!

— У тебя неприятности на работе? — обеспокоенно спросила жена.

— Еще не хватало иметь нахалов на работе! О чем ты говоришь, подумай...

Репетиция твердости духа кончилась семейной сценой.

Микрорайон есть микрорайон. Время от времени люди встречаются, и ничего тут не поделаешь. И вот, когда субботним вечером я зашел с женой в продмаг, у самой кассы меня нежно взяли за рукав. Это был он. Натренированным усилием мышц я тут же сделал неприступное, страшно волевое лицо.

— Привет, дружище! — сказал Нахал как ни в чем не бывало.— О, у тебя сегодня плохое настроение! Ну ничего, нынче суббота, можно поправить...— Он выразительно причмокнул и кокетливо посмотрел на жену.— Слушай, выручи меня! Тебе все равно по дороге, отнеси эти сумки в квартиру десять. Знаешь, совсем рядом с тобой, соседний подъезд. А то я совсем замотался. И еще эти сумки!

Дьявольщина! От такого дерзкого нападения мышцы моего строгого лица мгновенно расслабились.

— Давай поможем твоему приятелю! — добродушно поддакнула жена...

— Это же форменный нахал! — возмущался я по дороге к дому, сгибаясь под тяжестью двух здоровенных хозяйственных сумок.— Разве ты не знаешь, какой это хам?

— Не знаю,— отвечала жена,— только думаю, что товарищей надо выручать...

— Товарищей?! Сам черт ему товарищ! — кричал я на всю улицу.— Нет, я не отдам ему так просто эти сумки. Дудки! Я не понесу их в квартиру десять, пусть не надеется! Теперь он в моих руках. Весь провиант будет у меня, а магазины сейчас закрываются! И пока он не даст мне клятвенного обещания не садиться мне на голову, я не отдам ему эти сумки...

Жене казалось, что я сошел с ума.

— Опомнись! — умоляла она, закрывая своим телом дверь нашего подъезда.— Что скажут люди, ты подумал об этом? Давай я сама отнесу...

Жена подхватила сумки и двинулась к соседнему подъезду.

Конечно, я не мог допустить, чтобы теперь уже моя супруга исполняла очередную прихоть этого типа. И потому перед дверью десятой квартиры оказался я сам.

— Вот,— мрачно сказал я, когда дверь отворилась.— Вот сумки. Их просили передать.

— Ах! — воскликнула пожилая женщина.— Это от него... Проходите, проходите, пожалуйста. Вы дружите с ним?

— Я даже не знаю его имени,— сухо отрезал я, утирая пот со лба.

— Ах, как жаль, что вы с ним не дружите! Милейший человек, чрезвычайно обходительный, чуткий...

— И скромный?

— Да, да, необычайно скромный, ну просто... бог скромности! Кстати, он любимый аспирант моего мужа. Профессора, к сожалению, нет. Опять улетел за границу. Все дела, мировая наука. А меня, вот видите, не забывают. Это так приятно...

* * *

Скажу откровенно, теперь я живу под страхом очередной встречи с Нахалом. Может, теперь он попросит написать за него диссертацию?

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ГРУБИЯНОВ — К ОТВЕТУ

Грубым, бестактным поведением зарекомендовали себя директор совхоза «Живайкинский», Ульяновской области, В. И. Баранов, директор Вознесенского хлебозавода Николаевской области А. В. Поклад, сотрудница Невинномысского мехлесхоза Л. В. Цветкова. Пьяницей и вымогателем назван в одном из писем, полученных Крокодилом, заведующий гаражом совхоза «Бобровский», Белгородской области, В. В. Милюков.

Сигналы наших читателей подтвердились. Редакции сообщили, что В. И. Баранову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Сняты со своих постов А. В. Поклад и В. В. Милюков. Получила выговор Л. В. Цветкова.

«БЫЛИ БЫ ВЗНОСЫ»

В заметке под таким заголовком («Крокодил» № 6, 1967 год) рассказывалось о том, что руководство михайловской фабрики «Труженица» распространяло в принудительном порядке среди работниц билеты Всероссийского добровольного пожарного общества.

Председатель Рязанского областного совета общества тов. А. Ивин сообщил редакции, что факты подтвердились. Пленум областного совета обсудил заметку и принял специальное решение. Пленум поручил также президиуму облсовета проверить работу Михайловского райсовета, а итоги проверки обсудить на заседании президиума, где и решить, быть дальше тов. Тихонову председателем Михайловского райсовета общества или нет.

КРОКОДИЛ

№ 13 (1843)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера разработали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Жаринов, В. Мордухович, В. Сафонов, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тильман, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

— Все дрыхнешь! А там такие кофточки завезли!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00082.
Подписано к печати 29/IV 67 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
2 печ. л. 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 916.
Заказ № 1405.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«БОГ БЕРЕЖЕТ»

Каргопольский районный отдел культуры Архангельской области и отдел пропаганды и агитации райкома решительно взялись ограждать население района... Впрочем, от чего они его ограждали, они порой и сами затруднялись сформулировать. Просто, чтобы чего-нибудь не вышло, закрыли молодежное кафе, закрыли краеведческий клуб «Лемех», даже привезенную на лекцию запись «ростовских звонов» запретили прослушивать... Так, на всякий случай.

А художник Дома культуры Ю. Копосов, легкомысленно нарисовавший для детского утренника вместо обычных диаграмм старика Годовика и царевну и активно боровшийся за создание «Лемеха», вообще был снят с работы как «оказывающий дурное влияние на молодежь».

В № 5 журнала об этих событиях рассказывалось в фельетоне «Бог бережет».

Фельетон этот обсуждался на заседании бюро Каргопольского райкома КПСС. Бюро признало критику справедливой.

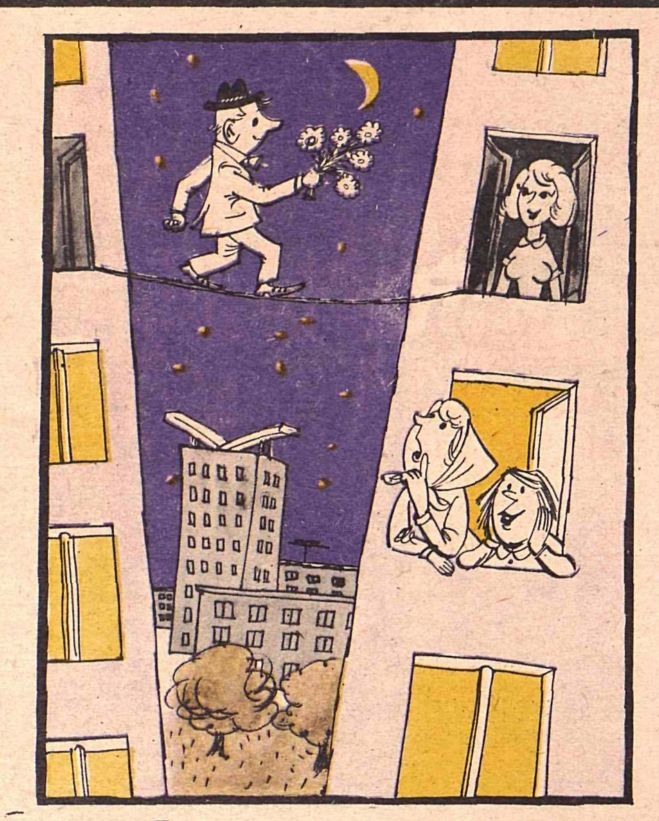
В ответе, присланном в редакцию, говорится, кому «указано на серьезные недостатки в содержании воспитательной работы», кто «допускает ошибки в подборе и воспитании кадров» и т. д.

Только о судьбе художника Копосова райком сообщать не стал. Зато на днях в редакцию позвонил сам Ю. Копосов и сказал, что решением суда увольнение его с работы признано необоснованным и ему оплачен вынужденный прогул.

БОГОУГОДНАЯ КОМИССИЯ

В Ленинском районе гор. Воронежа было разослано приглашение на торжественную регистрацию новорожденных, подписанное «комиссией по внедрению в быт новых религиозных обрядов при ЗАГС». Текст приглашения опубликован под рубрикой «Нарочно не придумаешь» («Крокодил» № 8).

Секретарь райкома партии тов. Катасонов сообщил, что ляпсус допущен заведующей загсом М. М. Корчагиной. Она привлечена к административной ответственности. Бюро райкома потребовало от райисполкома установить строгий контроль за работой загса.

— Повадился к ней один из цирка... И ходит и ходит!..

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Устрою-ка я ей семейную сцену!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Папа, про тебя все говорят, что ты очень спокойный, выдержанный человек...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Пересядьте, пожалуйста, на другой конец!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Институт астрономии? Приезжайте и заберите ваш метеорит!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА